

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА



ЧЕРНЫЕ  
ВОРОНЫ  
XV  
ПОКОРЕННЫЕ

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

*Даже сильных ставит на колени любовь.*

18+

# Ульяна Соболева

## Черные вороны

### 15. Покоренные

*<https://litres.ru/74345917>*

*SelfPub; 2026*

#### Аннотация

Карина Воронова выжила там, где выжить было невозможно.

В день свадьбы она потеряла мать, свободу и ту часть себя, которая умела доверять. Люди Ахмеда превратили её жизнь в пепел, но сам Ахмед мёртв, а прошлое всё равно продолжает убивать — чужими руками, найденными записями и тайнами, способными разрушить две семьи.

Саид Нармузинов привык распоряжаться чужими судьбами. Он умеет защищать, карать и уничтожать, но совершенно не умеет любить, не превращая любовь в клетку. Карина для него — жена, одержимость и единственная женщина, перед которой он впервые оказывается бессилён.

Когда на поверхность выходит правда о гибели Фатимы, старые преступления связывают Вороновых и Нармузиновых одной кровавой цепью. Теперь Карине предстоит решить, сможет ли она остаться рядом с мужчиной, который любит её жестоко и безусловно.

# Ульяна Соболева

## Черные вороны

### 15. Покоренные

#### Глава 1

#### КАРИНА

До его возвращения оставалось девять часов, и каждое из них уже лежало у меня на груди могильной плитой, вдавливая рёбра в лёгкие и не позволяя вдохнуть до конца. Я знала время точно, потому что женщины в этом доме говорили о Саиде так, будто ждали не человека, а затмение, после которого кому-то обязательно не хватит света. К вечеру господин вернётся. К приезду господина приготовить баранину. Молодой госпоже надеть новое платье. Музыкантам явиться к семи. Последняя фраза ударила под дых сильнее остальных. Музыкантам. Они собирались снова играть свадебные песни, продолжать торжество, которое для всех здесь было обещанием новой жизни, а для меня пахло кровью, порохом и мамиными духами, навсегда въевшимися в тот день, когда её убили, а меня оставили жить внутри собственного мёртвого тела.

Я сидела на краю постели, прижимая ладони к ушам, хотя музыка пока звучала только в моей голове. Там скрипела дверь. Там кто-то смеялся. Там мама была ещё жива, краси-

вая до боли, светлая, счастливая, и я помнила, как ткань её праздничного платья шуршала возле моих ног. Потом был выстрел. Один звук, разделивший мир на «до» и «никогда больше». Я не хотела вспоминать, что случилось после, но память не спрашивала разрешения: она всегда входила без стука, как мужчина, уверенный, что любая закрытая дверь существует только для того, чтобы он мог её выбить. Чужие руки. Чужой пот. Тяжесть тел. Кровь матери и моя кровь, слишком близко, чтобы понять, где чья. Я зажала рот ладонью, но тошнота всё равно поднялась к горлу, горячая, едкая, унижительная, и мне пришлось согнуться почти пополам, пока позвоночник не свело судорогой.

— Госпожа? — раздался осторожный голос Сюейды за дверью. — Вам плохо?

Мне хотелось рассмеяться. Плохо — это когда болит голова, когда режет живот или не хватает сна. А у меня внутри будто сгнило что-то жизненно важное и теперь медленно отравляло кровь, заставляя сердце биться не ради жизни, а из какой-то животной привычки. Но я заставила себя выпрямиться и посмотрела в зеркало. Оттуда на меня глянула бледная девчонка с бесцветными губами и огромными ярко-синими глазами, обведёнными тенями. Саид называл их цветом светлой фиалки. Надо же, какая поэзия для человека, способного приставить оружие к голове моего отца и назвать это предложением руки и сердца.

— Мне восхитительно, — ответила я, вкладывая в голос

столько яда, сколько сумела собрать с обломков своего достоинства. — Передай своему господину, когда он вернётся, что его жена от счастья почти сдохла.

За дверью стало тихо. Сюейда умела молчать так покорно, что её молчание раздражало сильнее слов. Наверное, в этом доме всех женщин учили исчезать, оставаясь на виду: опускать глаза, прятать мысли, улыбаться мужчине, который может распорядиться их жизнью быстрее, чем новой мебелью. Я не умела. Или уже разучилась. Во мне осталось слишком мало живого, чтобы тратить его на покорность.

— Господин приказал приготовить вас к вечеру, — наконец выдохнула она. — Принесли одежду. И украшения.

На пороге стояла коробка, перевязанная золотой лентой. Я медленно подошла, словно внутри могла находиться бомба, хотя бомба была бы милосерднее. Под крышкой лежало белое платье. Не свадебное — нет, наверное, люди Саида не настолько лишены воображения, — но достаточно светлое, чтобы комната качнулась, стены приблизились, а золотистый орнамент на ткани превратился в бурые пятна. Я схватила платье, швырнула на пол и наступила на него босой пяткой.

— Скажите ему, что белое я больше не ношу.

— Но госпожа...

— Я сказала — не ношу! — крик вырвался из меня так резко, что заболели связки. Я распахнула дверь и увидела испуганное лицо Сюейды. — Или мне надо объяснить на вашем языке? Белое притягивает кровь. А у вашего хозяина

её и без того достаточно на руках.

Сювейда побледнела и быстро склонила голову. Я захлопнула дверь, прислонилась к ней спиной и медленно сползла на пол. Вот так и выглядела моя власть: я могла растоптать платье, напугать служанку и выбрать, в какой именно угол собственной клетки забиться. От унижения сводило челюсти, в глазах жгло, но я запретила себе плакать. Каждая моя слеза в этом доме принадлежала Саиду почти так же, как, по его мнению, принадлежало ему моё тело. Нет. Этого я не отдам. Хватит с него подписи в документах, кольца на пальце и ночи, когда он раздел меня, заставил дрожать и смотреть в почти чёрные глаза, пока я снова падала в тот свадебный ад.

Он остановился. Я помнила это слишком хорошо и ненавидела себя за облегчение. Будто я должна была быть благодарна человеку за то, что он не закончил начатое. Будто преступник становился святым, если в последний момент убирал нож от горла. Саид порезал собственную ладонь и испачкал кровью простыню, чтобы его родственники поверили в завершение брачной ночи. Тогда я не поняла, зачем он это сделал. Сейчас понимала ещё меньше. Возможно, даже чудовища иногда выбирают, какой именно клык показать жертве первым.

Я поднялась и подошла к окну. Оно не открывалось. Ручку сняли ещё в первый день, а снаружи за стеклом тянулся сад — издевательски живой, залитый утренним солнцем, наполненный запахами травы и цветов, которые я могла раз-

личить даже через щели. За садом стояла высокая каменная ограда. По дорожке медленно прошёл охранник с автоматом, лениво оглядывая кусты. Я считала их уже несколько дней. Утром сменялись четверо, двое оставались у ворот, один обходил дом по часовой стрелке, второй исчезал за хозяйственными постройками приблизительно на семь минут. Семь минут — крошечная трещина в стене. Для испуганной девочки мало. Для рыбки, которую однажды уже поймали и продали, достаточно, чтобы попытаться выскользнуть.

Я сунула под матрас салфетку, на которой рисовала план поместья. Первый этаж, кухня, кладовые, служебный выход. За ним двор, гараж и длинное одноэтажное строение, куда утром привозили продукты. Машина приезжала около десяти и уезжала через сорок минут. Вчера я видела, как водитель оставил задние двери открытыми, пока разговаривал с охраной. Сегодня она должна вернуться. И сегодня я должна оказаться внутри.

Не потому, что считала мир за воротами безопасным. Мир уже доказал обратное. Там Мухаммад говорил, что любит меня, а потом продал. Там мужчины улыбались перед тем, как причинить боль. Там моего отца могли убить из-за меня. Но даже пасть зверя казалась свободой, если выбирать приходилось между ней и домом Саида Нармузинова.

Я сняла кольцо. Тяжёлое, холодное, слишком большое для моего пальца, оно упало на покрывало беззвучно, но мне показалось, что грохот услышал весь дом. Несколько се-

кунд смотрела на него, ощущая, как выворачивает внутренности. Не украшение — ошейник, которому придали красивую форму, чтобы никто не заметил цепи. Я хотела выбросить его в унитаз, разбить камнем, проглотить и задохнуться, только бы Саид больше не видел его на моей руке. Но оставила на кровати. Пусть найдёт. Пусть поймёт, что даже мёртвая я не стану его женой.

В дверь снова постучали. На этот раз коротко, уверенно, без робкого шороха Сюейды.

— Если это ещё одно платье, засуньте его своему господину туда, куда не заглядывает солнце, — бросила я.

— Боюсь, ему не понравится цвет, — спокойно ответила Авра.

Я резко обернулась. Старшая жена Саида вошла, не дожидаясь приглашения, и прикрыла за собой дверь. Сегодня на ней было чёрное платье, скрывавшее тело от горла до запястий, а тёмные волосы прятались под платком. Лицо красивое, спокойное, почти доброе, только пальцы слишком сильно сжимали поднос с чайником. Я не доверяла добрым лицам. У самых страшных людей они обычно именно такие — удобные, располагающие, созданные для того, чтобы жертва сама подошла ближе.

— Пришла посмотреть, как я готовлюсь осчастливить твоего мужа? — спросила я и усмехнулась, хотя губы задрожали. — Не переживай. Очередь до тебя ещё дойдёт. У него хватит великодушия на всех.

Авра поставила поднос на стол. Фарфоровая чашка тихо звякнула о блюдец, и этот обыденный звук почему-то показался страшнее крика.

— Я пришла помочь тебе уйти.

На несколько секунд воздух в комнате застыл. Даже сердце перестало колотиться, словно тоже прислушивалось и боялось поверить. Я рассмеялась. Громко, хрипло, почти безумно, а потом прикрыла рот ладонью, потому что смех внезапно превратился в рыдание и пришлось проглотить его вместе с металлическим привкусом крови — я прокусила губу.

— Какая щедрость. Сначала напои меня чаем, потом покажи дорогу к воротам, а за ними твой добрый муж будет ждать с цветами и автоматом?

— Саид возвращается вечером. Если останешься, второго шанса не будет, — Авра посмотрела на растоптанное платье и медленно подняла на меня карие глаза. — Он уже приказал приготовить спальню и позвать музыкантов. В доме будут гости. Все станут смотреть, как он ведёт тебя наверх.

Слова вошли под кожу тонкими иглами. Музыканты. Гости. Наверх. Комната качнулась, а вместо Авры передо мной на миг возникла мама. Губы шевелились, но я не слышала слов из-за музыки. Потом её тело дёрнулось от выстрела. Я пыталась добраться до неё, но меня схватили сзади. Кто-то зажал рот. Кто-то смеялся прямо в ухо. Я снова почувствовала ладонь на бедре, чужие пальцы, раздвигающие ноги, и

собственный крик, который так и не вышел наружу.

— Прекрати, — прошептала я, хватаясь за край стола. — Замолчи.

Авра мгновенно замолчала. Не подошла и не попыталась прикоснуться, за что я почти возненавидела её меньше. Перед глазами плавали тёмные круги. Я считала вдохи, как учил психолог: один, два, три. Воздух всё равно не проходил. Лёгкие будто набили мокрой землёй. Я опустилась на стул и прижала дрожащие ладони к коленям, пытаюсь убедить тело, что сейчас никто меня не держит.

— Что он с тобой сделал? — тихо спросила Авра.

— Твой муж? Пока не всё, что хотел. Наверное, поэтому возвращается таким счастливым.

— Я не о Саиде.

Я подняла голову. Наши взгляды столкнулись, и мне показалось, что она поняла. Не подробности, не имена, не тот день — сам ужас, который невозможно сыграть. В её лице что-то дрогнуло, но исчезло так быстро, что я могла ошибиться.

— Не твоё дело.

— Возможно. Но если хочешь выбраться, слушай внимательно. В десять тридцать привезут продукты. Водитель по имени Умар пойдёт на кухню подписывать бумаги. Баянат отвлечёт охранника возле гаража. Задняя дверь фургона останется открытой. Под пустыми ящиками есть место. Машина выедет через двадцать минут и остановится на заправ-

ке за городом. Там выйдешь.

Она говорила ровно, без суеты, будто объясняла рецепт сладостей, а я изучала её лицо, пытаюсь найти ловушку. Слишком просто. Слишком вовремя. Слишком похоже на чудо, а чудеса в моей жизни всегда оказывались дверями в очередной подвал.

— Зачем тебе это?

Авра усмехнулась, и впервые её красота стала живой — горькой, взрослой, израненной.

— Ты действительно хочешь услышать, что я прониклась твоей болью и решила спасти невинную девочку?

— Нет. Я хочу услышать правду. Хотя бы раз в этом проклятом доме.

— Правда в том, что я не хочу видеть тебя рядом с моим мужем. Не хочу слышать, как он идёт в твою спальню. Не хочу ждать, когда ты родишь ему сына и он забудет, что я существую. — На последней фразе её голос всё-таки надломился, но Авра быстро выпрямилась. — Ты хочешь свободы. Я хочу вернуть свою жизнь. Впервые наши желания совпали.

— Значит, ты помогаешь мне из ревности.

— А тебе обязательно, чтобы спасительница была святой? — в карих глазах блеснуло что-то острое. — Возьми ту помощь, которую дают. Другой может не быть.

Я медленно кивнула. Она была права, и это бесило до ломоты в зубах. Чтобы вырваться из клетки одного человека, мне предстояло довериться женщине, мечтавшей от меня из-

бавиться. Но между ненавистью Авры и одержимостью Саида я выбирала ту, у которой хотя бы была открытая дверь.

— Если это ловушка, — произнесла я, поднимаясь, — я вернусь. Не к нему. К тебе. И тогда тебе придётся очень постараться, чтобы я умерла быстро.

Авра смотрела на меня несколько долгих секунд, а затем неожиданно улыбнулась.

— Теперь я понимаю, почему он выбрал именно тебя.

— Он меня не выбирал. Он выбрал способ наказать моего отца.

— Мужчины всегда придумывают достойные причины для своей одержимости. Так им проще не замечать, что они уже стоят на коленях.

Она направилась к двери, но я остановила её вопросом:

— Почему ты уверена, что Саид не вернётся раньше?

Плечи Авры едва заметно напряглись.

— Потому что знаю его расписание.

Ложь прозвучала слишком гладко. Я почувствовала её, как холодное лезвие возле шеи, но промолчала. Иногда, чтобы выбраться из капкана, приходится позволить другому думать, что ты не видишь зубьев.

Когда дверь закрылась, я достала салфетку с планом и разорвала на мелкие кусочки. Потом смыла их в унитаз, переделась в тёмные брюки и тонкий свитер, собрала волосы в тугий хвост. Никаких вещей. Никаких подарков Саида. Только маленькая фотография мамы, которую я прятала во

внутреннем кармане, и серьга с острым штифтом — смешное оружие против целого мира, но лучше, чем пустые руки.

Без десяти десять я вышла из комнаты. Сюейда стояла в конце коридора и сделала вид, что не заметила меня. На первом этаже пахло мясом, специями и свежей выпечкой. Из дальней комнаты уже доносились первые звуки настраиваемых инструментов. Одна протяжная нота вспорола меня от живота до горла, но я не остановилась. Мама умерла. Я выжила. Это не делало меня виноватой. Это должно было сделать меня опасной.

Во дворе солнце било в глаза. Я шла медленно, заставляя себя не смотреть на ворота. Один охранник курил у стены. Второй разговаривал по телефону. Возле гаража стоял белый фургон с распахнутыми задними дверями, а рядом Баянат громко ругалась с мужчиной из-за разбитой коробки. Всё происходило именно так, как сказала Авра. Слишком именно.

Я дошла до беседки, остановилась, будто решила полюбоваться цветами, а затем нырнула за живую изгородь. Семь шагов до стены гаража. Ещё пять до автомобиля. Сердце билось так яростно, что мне казалось, охрана услышит его раньше, чем увидит меня. Я добралась до фургона, вцепилась в металлический край и забралась внутрь. Под пустыми ящиками действительно оставалось пространство. Я легла на грязный пол, подтянула колени к груди и накрылась грубой тканью.

Двери захлопнулись.

Темнота проглотила меня целиком, и на мгновение я снова оказалась в трюме, среди запаха металла, рвоты и плачущих девушек. Паника рванула по венам, но я впилась ногтями в ладонь и приказала себе молчать. Это другая машина. Другой день. Сейчас я не товар. Сейчас я сама выбрала темноту, потому что за ней была свобода.

Двигатель завёлся. Фургон дёрнулся с места. Я прижала к губам фотографию мамы и впервые за долгие дни позволила слезам потечь — тихо, горячо, беззвучно.

— Я выберусь, — прошептала я в темноту. — Слышишь, мам? На этот раз я выберусь.

Я не видела Авру у окна второго этажа. Не видела второго телефона в складках её чёрного платья и не знала, почему маршрут побега оказался таким гладким, словно дорогу передо мной вымостили специально. Лёжа между ящиками, я верила, что обманула целый дом, что перехитрила Саиду, его охрану и женщину, которая слишком спокойно протянула мне ключ от клетки. Мне хотелось смеяться и рыдать одновременно, хотелось распахнуть двери на ходу и вдохнуть свободу так глубоко, чтобы она разорвала лёгкие. Я ещё не понимала, что машина везёт меня не прочь от капкана, а прямо к людям, которые уже знали цвет моих волос, моё имя и сумму, которую можно потребовать за дочь Андрея Воронова.

Позже я узнаю, что в ту минуту Авра смотрела вслед фур-

гону и несколько секунд не могла попасть дрожащим пальцем по экрану. Возможно, она ещё могла остановиться. Возможно, в ней боролись страх, ревность и последняя крупица жалости. Но победила любовь — та её уродливая разновидность, которая не согревает, а пожирает всё живое вокруг своего божества. Авра нажала «отправить».

Сообщение состояло из четырёх слов, и каждое из них уже превращало мою надежду в билет обратно в самое настоящее пекло.

«Сегодня. Девчонка будет в машине».

## Глава 2

### САИД

Дом встретил меня распахнутой служебной калиткой, и ещё до того, как машина успела затормозить возле ступеней, я понял: что-то произошло. Не увидел — почувствовал. Так зверь в лесу ощущает чужой запах раньше, чем под лапой хрустнет ветка, так кровь предупреждает тело об ударе за долю секунды до боли. Металлическая створка медленно покачивалась от ветра, выбрасывая на подъездную дорожку солнечные блики, а у меня внутри уже разворачивалась тёмная, холодная пустота, в которую одно за другим падали здравые объяснения и разбивались, не достигая дна.

— Почему открыто? — спросил я, не отрывая взгляда от калитки.

Орс, сидевший впереди, обернулся. Огромный, борода-

тый, обычно невозмутимый, сейчас он слишком быстро посмотрел на охранника у ворот. Этого мгновения мне хватило, чтобы ярость проснулась, расправила плечи и вцепилась когтями в позвоночник.

— Продукты привозили, господин. Машина только что уехала.

— Я спросил, почему открыто.

— Сейчас выясню.

— Выяснишь, когда она будет закрыта, — процедил я, распахивая дверь автомобиля. — А до этого будешь молиться, чтобы из дома ничего не пропало.

На заднем сиденье остались пакеты, которые я собирал по разным магазинам как последний идиот. Светло-голубой кашемировый свитер, потому что этот цвет должен был сделать глаза Карины ещё прозрачнее. Тонкая цепочка с фиалкой из белого золота. Коробка конфет, название которых она однажды задержала взглядом в телефоне Сюейды. Даже проклятая книга на русском, найденная помощником в столице. Я потратил на выбор подарков больше времени, чем на переговоры с людьми, способными перекрыть мне половину поставок, и всю дорогу убеждал себя, что делал это исключительно ради спокойствия в доме. Сытая, избалованная женщина меньше сопротивляется. Украшенная женщина быстрее понимает, кому принадлежит. Красивая ложь. Настолько удобная, что почти хотелось поверить.

Я не видел её два дня. Всего два. Раньше мог месяцами не

заходить в спальню Авры и вспоминал о супружеском долге только тогда, когда родня начинала задавать вопросы о наследнике. Другие женщины исчезали из памяти раньше, чем я застёгивал брюки. Но Карина за сорок восемь часов успела просочиться под кожу, смешаться с кровью и теперь ходила по венам вместе с ней, раздражая, отравляя, заставляя представлять её там, где ей не полагалось находиться: в самолёте, на встречах, за закрытыми веками, в каждом чёртовом вдохе.

За эти двое суток я звонил домой восемь раз. Не ей, разумеется. Я не собирался унижаться перед девчонкой, которая в ответ на мой голос могла просто бросить трубку. Звонил начальнику охраны и Сювейде, задавая вопросы так, будто меня интересовали безопасность поместья, подготовка документов и состояние хозяйства. Ест ли госпожа? Спала ли ночью? Выходила ли в сад? Что сказала, увидев новые вещи? Отвечали осторожно, а я слышал за вежливыми словами одно: Карина молчит, почти не ест, никого не подпускает и смотрит на ворота. Последнее должно было разозлить. Вместо этого вызвало странное желание оказаться между ней и выходом, чтобы она смотрела только на меня.

Утром я сам позвонил начальнику охраны, прежде чем изменить маршрут и выехать домой на несколько часов раньше. Он уверил, что всё спокойно. Произнёс это дважды, чётко, без запинки. Молодая госпожа спит. Периметр закрыт. Люди на местах. Я поверил, потому что привык считать собственные приказы продолжением законов природы: солнце

восходит, кровь течёт вниз, подчинённые Саида Нармузинова не ошибаются. Теперь распахнутая калитка насмехалась над этой уверенностью, болтаясь на петлях, как язык человека, который слишком поздно понял, кому солгал.

В аэропорту продавщица упаковала фиалку и спросила, для любимой ли женщины подарок. Я посмотрел на неё так, что улыбка сползла с накрашенных губ, но вопрос прицепился намертво. Любимая. Отвратительно мягкое слово. Слабое, липкое, требующее признать, что другой человек получил власть причинять тебе боль. Я никого не любил. Я обеспечивал женщин, защищал семью, хоронил братьев, выполнял данное слово. Это было надёжнее любви. Только почему тогда мысль о ярко-синих глазах девчонки ломила кости, а дорога домой казалась бесконечной пыткой?

Я представлял, как вернусь и увижу её на лестнице. Светлые волосы рассыпаны по плечам, огромные глаза вспыхнут ненавистью, когда она заметит меня. Она отступит. Я подойду. Возьму за подбородок, заставлю поднять лицо и не позволю спрятать взгляд. В моих фантазиях Карина всегда сначала сопротивлялась, потому что её сопротивление действовало на меня сильнее покорности любой женщины, а потом замирала, чувствуя, как мой рот касается её губ. Я хотел вновь услышать её неровный вдох. Хотел провести пальцами по белой коже и узнать, способна ли она дрожать от желания так же сильно, как дрожала от страха.

И каждый раз фантазия обрывалась там, где начиналась

правда: её закрытые глаза, слёзы и ужас, который я увидел в брачную ночь. Я мог закончить начатое. Имел силу, власть и право, признанное всеми людьми в этом доме. Но впервые в жизни слово «право» показалось мне дешёвой бумажкой, которой мужчина прикрывает собственную мерзость. Поэтому я остановился, разрезал ладонь и отдал родственникам свою кровь вместо её. С тех пор рана почти затянулась, а раздражение осталось. На неё. На себя. На ту неизвестную тварь, из-за которой тело девчонки помнило боль лучше ласки.

— Господин! — навстречу поспешил начальник охраны.  
— Вы должны были приехать вечером. Мы не ожидали...

— Именно поэтому и вернулся раньше. Хотел увидеть, насколько хорошо вы работаете, когда меня нет.

Он остановился передо мной и побледнел. Правильная реакция. Страх редко лжёт, в отличие от людей.

— В доме всё спокойно. Никаких происшествий.

Я медленно посмотрел на покачивающуюся калитку, затем снова ему в лицо.

— Никаких?

— Никаких, господин. Молодая госпожа в своих комнатах. Всё утро за ней наблюдали женщины. По территории она не выходила.

Слова должны были успокоить, но вместо этого внутри что-то затянулось тугим узлом. Карина находилась в комнате. Конечно. Куда она могла деться из дома, окружённого каменной стеной и вооружёнными мужчинами? Она не знала

местности, не говорила на языке, не имела документов и телефона. Даже если каким-то чудом добралась бы до ворот, охрана вернула бы её прежде, чем она успела сделать второй шаг.

— Кто видел её последним?

— Сюейда. Она относилa одежду.

— Когда?

Мужчина замялся. Совсем немного, но я уже услышал, как в голове щёлкнул невидимый предохранитель.

— Около девяти.

— Сейчас почти одиннадцать.

— Госпожа не любит, когда её беспокоят.

— А я не люблю, когда мои люди заменяют приказ догадками.

Я прошёл мимо него в дом. В холле пахло выпечкой, мясом и специями. Со стороны гостиной доносились звуки настраиваемых инструментов. Музыканты приехали раньше, как я и приказал. Сегодня вечером дом должен был увидеть нас вместе. Не ради праздника. Плевать я хотел на песни, тосты и жадные взгляды родственников, ожидавших продолжения спектакля. Мне требовалось прекратить шёпот о том, что молодая жена отказалась принять мужа. Семья Нармузиновых не обсуждает, способен ли её глава подчинить женщину. Такие сомнения пахнут слабостью, а слабость в нашем мире привлекает шакалов.

На лестнице показалась Авра. Чёрное платье, чёрный пла-

ток, привычно опущенные глаза. И всё же сегодня в её лице было что-то неправильное: не страх, не радость, не ревность — слишком тщательно вылепленное спокойствие. Она спустилась на несколько ступеней и поклонилась.

— Ты вернулся раньше, господин.

— В этом доме все решили сообщить мне новость, которую я уже знаю?

— Мы не успели подготовиться.

— К моему возвращению не надо готовиться, Авра. К нему надо быть готовыми всегда.

Она вздрогнула, но быстро справилась с собой. Я приблизился и уловил слабый запах её духов, терпкий и тяжёлый. Когда-то он мне нравился. Сейчас раздражал, потому что я вспоминал другой — ваниль, прохладную кожу и волосы Карины. Мне хотелось оттолкнуть Авру, хотя она даже не прикоснулась.

— Где моя жена?

Карие глаза на мгновение вспыхнули, затем снова потухли.

— Я тоже твоя жена.

— Я помню. Именно поэтому ты всё ещё стоишь передо мной и задаёшь лишние вопросы.

Боль исказила её лицо, и где-то глубоко шевельнулось подобие вины. Я раздавил его прежде, чем оно успело превратиться в жалость. Авра знала, за кого выходила замуж. Я никогда не обещал любви, которой во мне не было.

— Карина у себя, — ответила она. — Наверное.

— Наверное?

— Она не хочет меня видеть. И никого не хочет.

Я поднялся ещё на ступень, оказавшись совсем близко, и тихо произнёс:

— Если с ней что-то случилось, лучше тебе узнать об этом раньше меня.

Авра отступила. Всего на полшага, но я заметил. Она хотела что-то сказать, однако со двора раздался голос Ораса, отдававшего приказ закрыть калитку. Металл ударился о металл. Звук прошёлся по нервам. Я обернулся к входу, и необъяснимое чувство опасности стало настолько сильным, что пересохло во рту.

— Позови Сюейду, — приказал я. — Сейчас.

Я поднимался к комнате Карины, чувствуя, как злость смешивается с предвкушением. Она не ожидала увидеть меня до вечера. Может, спит, свернувшись под одеялом. Или сидит у окна, хотя я приказал снять ручки, чтобы у маленькой дурочки не появилось желания проверить высоту второго этажа собственным телом. Я войду без стука. Она обернётся, побледнеет, а потом попытается спрятать испуг за очередной дерзостью.

У меня уже был готов ответ. Я скажу, что привёз ей подарки. Она наверняка предложит засунуть их туда, куда не проникает солнечный свет. И я рассмеюсь, потому что её грязный рот сводил меня с ума почти так же сильно, как чистые

ярко-синие глаза. Потом положу коробки на стол, коснусь её волос и на этот раз не буду торопиться. Никакой спальни, никаких приказов раздеться. Сначала заставлю поесть со мной. Поговорить. Узнаю, что она читает, что любит, чего хотела до того, как оказалась здесь. Женщину проще удерживать, если знаешь, по чему она тоскует.

Мысль была практичной. Почти разумной. Только тело реагировало на неё совсем не разумно. Внизу живота затаилось горячее напряжение, когда я представил Карину напротив себя за столом — не голую, даже не покорную, а просто живую, сердитую, смотрящую только на меня. Я хотел её внимания сильнее, чем тела, и это открытие оказалось уничительнее пощёчины.

Дверь в её комнату была прикрыта. Не заперта. Я остановился, положил ладонь на ручку и вдруг вспомнил, как она смотрела на меня в ту ночь. Нет, не так. Не на меня — сквозь меня, будто вместо лица видела кого-то другого. Я спросил, кто это сделал. Она не ответила. Только сжалась сильнее, прикрывая грудь разорванным платьем, а я впервые почувствовал желание найти незнакомого мужчину не ради сделки, власти или мести, а чтобы медленно вырвать из него каждую кость.

— Лайнчим, — позвал я негромко и сразу разозлился на собственную осторожность.

Тишина.

Я вошёл.

Комната была залита солнцем. На полу лежало светлое платье, растоптанное и смятое. Коробка валялась у стены, золотая лента тянулась по ковру. Окно оставалось закрытым. Дверь в ванную приоткрыта. Постель аккуратно застелена, если не считать небольшого углубления на покрывале.

— Карина?

Никто не ответил.

Я проверил ванную, гардероб, даже пространство за тяжёлыми шторами, хотя уже понимал: её нет. И всё равно продолжал искать, словно девчонка могла спрятаться в ящике комода или раствориться в стене. Сердце не билось — било меня изнутри, тяжело, яростно, каждым ударом вбивая в сознание одно слово: ушла.

Нет. Невозможно. Из этого дома нельзя уйти без моего разрешения. От меня нельзя уйти. Я слишком долго строил мир, в котором любые двери открывались по моему приказу, а люди оставались там, где я их поставил. Даже смерть моих близких не смогла научить меня отпускать — только заставила держать сильнее. Карина не могла исчезнуть. Значит, её украли.

Я вернулся к кровати и увидел кольцо.

Оно лежало посреди покрывала, маленькое, холодное, ослепительно красивое в солнечном луче. Я выбирал его сам. Знал размер — мне сообщили люди, проверявшие документы и вещи Карины. И всё равно оно оказалось чуть велико. В брачную ночь я надел его ей на палец и сжал её руку, когда

она попыталась снять. Сказал, что теперь кольцо покинет её только вместе с пальцем.

Она оставила его здесь.

Именно так Карина ответила на всё, что я считал милостью. На сохранённую жизнь её отца. На дом, охрану, имя, способное закрыть перед ней пасть любого хищника. Она не увидела защиты, потому что я выстроил её из тех же камней, из которых строят тюрьмы. Не увидела мужа, потому что привёл её к алтарю угрозой. Я мог перечислить сотню причин, почему поступил правильно, и ни одна не отменяла простого факта: девушка предпочла неизвестность за воротами жизни рядом со мной. Эта мысль не ранила гордость — она вспорола её, выпустила наружу всё тёмное, что я годами называл характером, и оставила меня стоять перед пустой кроватью с жалким куском металла в руке.

Не потеряла. Не забыла. Положила так, чтобы я обязательно увидел.

Я взял кольцо, и металл впился в порез на ладони, ещё не успевший окончательно затянуться. Боль была ничтожной, но кровь выступила сразу, заполняя тонкие линии кожи. На мгновение перед глазами возникла простыня с алыми пятнами, которую я бросил родственникам. Моя кровь вместо её крови. Моя ложь вместо её согласия. Я тогда решил, что спас её от унижения. Сейчас кольцо в окровавленной ладони говорило правду: никакого брака для неё не существовало.

— Господин? — Сюейда застыла на пороге. За её плечом

появились Авра и начальник охраны. — Вы звали меня?

Я медленно повернулся. Девчонка увидела пустую комнату, мою руку и побелела настолько, что губы стали серыми.

— Где она?

— Я... я не знаю.

— Ты видела её утром.

— Я принесла одежду. Госпожа была здесь. Она рассердилась и приказала уйти.

— После этого?

— После этого я... больше не заходила.

Я приблизился. Сюейда отступила, пока не упёрлась спиной в стену. Я не касался её, не повышал голоса, но она уже плакала, и слёзы текли по щекам, собираясь на подбородке.

— В моём доме находится несколько десятков человек. Ворота охраняют вооружённые мужчины. Окна заперты. Девушка без документов и телефона исчезает посреди белого дня, а ты говоришь, что не знаешь как?

— Простите, господин. Я думала, она в комнате. Я клянусь...

— Не клянись. Клятвы нужны тем, у кого нет доказательств.

Я посмотрел на начальника охраны.

— Закрывать ворота. Никого не выпускать. Проверить каждое помещение, каждую машину, каждый колодец. Вернуть фургон с продуктами. Водителя и всех, кто находился возле гаража, привести ко мне.

— Да, господин.

Он сорвался с места, но я остановил его:

— Если она покинула территорию, у тебя останется ровно столько времени, сколько мне потребуется, чтобы это подтвердить. Потом я начну отрезать от тебя всё, что мешало выполнять работу. Начну с глаз.

В коридоре стало тихо. Даже музыканты внизу перестали настраивать инструменты, словно дом услышал меня и затаял дыхание.

Я разжал ладонь. Кольцо утонуло в крови, и ярость наконец прорвала плотину. Не горячая, не слепая — ледяная, ясная, способная разрушать города и вырезать целые семьи без единого лишнего движения. Карина хотела свободы. Кто-то решил ей помочь. Кто-то посмел войти в мой дом, обмануть моих людей и забрать то, что принадлежало мне.

Я ещё не знал, что это была сама Карина. Не знал, что она лежала между пустыми ящиками, прижимая к губам фотографию убитой матери и веря, что спасается. Но уже понимал главное: она ушла не тайком. Она оставила мне вызов.

Кольцо.

Я сжал его так сильно, что грани разрезали кожу, и посмотрел на Авру. Она стояла чуть дальше остальных, бледная, прямая, с опущенными глазами. Слишком спокойная для женщины, у которой только что исчезла соперница.

— Найдите мою жену, — произнёс я, чувствуя на языке вкус собственной крови. — А когда найдёте, не прибли-

жайтесь. Не разговаривайте. Не смейте даже смотреть на неё дольше необходимого. Карину верну я сам.

Потому что никто не имел права забрать её у меня, разрушить мою власть одним движением и заставить впервые испытать не ярость потерявшего собственность мужчины, а настоящий страх.

Даже она сама.

## **Глава 3**

### **КАРИНА**

Темнота в фургоне дышала мне в лицо чужим ртом, пахнущим ржавчиной, испорченным мясом и тем самым трюмом, из которого я, кажется, никогда не выберусь до конца жизни. Машину покачивало на поворотах, пустые ящики сдвигались, скребли металлическими углами по полу, и каждый звук превращался в шаги мужчин, которые снова шли за мной. Я лежала, прижав колени к груди, и считала секунды, но они рассыпались, путались, превращались в годы. Семь минут до ворот. Двадцать до заправки. Или прошло только две? Может, фургон вообще не выехал из поместья, а кружил по двору, пока Авра и охрана смеялись над дурочкой, поверившей в открытую дверь?

Нет. Я ощущала скорость. Колёса ударялись о неровности, двигатель ревел громче, а через щели в кузов время от времени врывались тонкие полосы света. Свобода лежала где-то по ту сторону металла — близко, почти на расстоянии про-

тянутой руки, но я не могла коснуться её, не могла вдохнуть, потому что лёгкие снова набивали землёй. В прошлый раз меня тоже везли в темноте. В прошлый раз я очнулась среди плачущих девушек и узнала, что мы — товар. Тогда тоже убеждала себя, что выберусь. И выбралась. Прямо в дом Саида.

Я зажала фотографию мамы в кулаке так сильно, что уголок впился в ладонь. На снимке она улыбалась, обнимая меня за плечи, ещё не зная, что однажды белое платье станет для неё саваном, а я останусь лежать рядом, не способная даже закрыть ей глаза. Иногда память милосердно стирала подробности. Иногда возвращала всё сразу: выстрел, запах пороха, её тело на полу, мужские пальцы на моих ногах. Сегодня она решила разрезать меня по старым швам.

— Не сейчас, — прошептала я самой себе. — Только не сейчас.

Голос прозвучал чужим, детским, жалким. Я ненавидела его. Ненавидела девочку внутри, которая всё ещё ждала, что папа ворвётся, мама встанет и кто-нибудь скажет, что кошмар закончился. Никто не придёт. Никто не знал, где я. Андрей Воронов мог поднять армию, сжечь города и заставить людей вырывать правду собственными зубами, но для этого сначала требовалось понять, в какой стране искать дочь. Саид знал. И поэтому я сбегала от единственного человека, способного меня защитить. Смешно. Так смешно, что хотелось разбить голову о стену фургона.

Защита не должна запирать окна. Не должна угрожать отцу. Не должна раздевать тебя под крики гостей и называть страх уважением.

Я повторяла это, как молитву, когда в памяти всплывали руки Саида. Тёмные, сильные, с длинными пальцами. Однажды они разорвали моё платье. А потом одна из них сама легла под лезвие, чтобы его кровь на простыне стала моей. Я не просила. Не благодарила. Но почему, чёрт возьми, вспоминала не только ужас, но и то мгновение, когда он остановился? Будто внутри меня поселилась предательница, готовая искать нежность даже в отсроченном насилии.

Фургон резко затормозил. Я ударилась плечом о ящик и едва не вскрикнула. Снаружи раздались голоса. Мужские. Один смеялся, второй что-то раздражённо отвечал. Я замерла, боясь даже моргнуть. Сейчас двери распахнутся. Меня вытащат за волосы. Вернут Саиду. Он будет стоять внизу лестницы с кольцом в окровавленной ладони и тем выражением лица, от которого взрослые мужчины забывают собственные имена.

Но двери не открылись. Через минуту машина снова двинулась.

Я выдохнула только тогда, когда поняла, что всё ещё лежу одна. Плечо ныло, во рту пересохло, язык казался куском наждачной бумаги. Мне нужно было выбраться на заправке, найти телефон и позвонить отцу. Один звонок. Одно слово. Папа узнает мой голос, даже если я не смогу объяснить, где

нахожусь. Он найдёт. Он всегда находил меня, когда я пряталась в детстве. Только тогда я выбирала места сама и знала, что через несколько минут сильные руки подхватят, а над головой раздастся смех. Теперь любые сильные руки заставляли кожу покрываться ледяными мурашками.

Машина начала замедляться. Поворот. Ещё один. Под колёсами изменился звук — ровный асфальт. Двигатель стих.

Я досчитала до тридцати. Снаружи хлопнула дверь кабины. Послышались шаги, удаляющиеся голоса, короткий сигнал другого автомобиля. Заправка. Должна быть она.

Я выбралась из-под ткани, осторожно отодвинула ящик и коснулась задней двери. Заперто. Сердце провалилось так резко, что к горлу подступила тошнота. Авра солгала. Она знала, что двери блокируют снаружи. Я дёрнула ручку ещё раз, сильнее, потом ударила ладонью по металлу. Бесполезно.

— Нет. Нет, нет, нет...

Паника ударила в виски. Воздух исчезал, стены сжимались, а вместо фургона снова был трюм. Девушки плакали в темноте. Крыс говорил, что нас купят. Я вцепилась в ручку обеими руками и рванула, готовая вывихнуть плечо, но механизм неожиданно щёлкнул. Правая створка приоткрылась. Я едва не расхохоталась. Нужно было надавить вверх, а не тянуть на себя.

Солнечный свет полоснул по глазам. Я выскользнула наружу и спрыгнула на землю, подвернув ногу. Боль вспыхну-

ла от щиколотки до колена, но я уже бежала, хромая, задыхаясь, ожидая окрика в спину. Никто не остановил. Белый фургон стоял возле дальней колонки, водитель разговаривал с кассиром через окно. За заправкой тянулась дорога, по обе стороны — поля и редкие деревья. Никакого города. Никаких толп, в которых можно раствориться. Но не было и степи Саида.

Я свободна.

Слова не принесли радости. Они показались слишком большими для меня, как одежда взрослой женщины на изнасилованной девочке. Я стояла посреди чужой страны без документов, денег и телефона. Волосы растрепались, ладони были в грязи, нога болела. Если сейчас приедут люди Саида, мне некуда бежать.

Я вошла в магазин, стараясь не хромать. Над дверью звякнул колокольчик, и несколько человек одновременно посмотрели на меня. В их глазах не было ни угрозы, ни узнавания, только секундное любопытство, но тело уже знало другой перевод любого мужского взгляда. Я опустила голову, спрятала руки в рукава и прошла в туалет. Там заперлась сразу на обе защёлки, хотя вторая едва держалась, и несколько минут просто стояла, прижавшись спиной к двери.

В зеркале отражалась девушка, которая выглядела так, будто её выкопали из неглубокой могилы. Светлые волосы спутались, на виске серела пыль, губы пересохли и потрескались. Под глазами лежали синеватые тени, делая радуж-

ки почти прозрачными. Красивые глаза, говорил Мухаммад. Цвет тобалкх, шептал Саид. Все мужчины находили для них слова, будто имели право описывать то, что собирались присвоить.

Я открыла кран и подставила ладони под воду. Она была холодной и настоящей. Не из серебряного кувшина в доме Саида, не из бутылки, которую дали в трюме. Я сама повернула ручку. Сама решила, сколько пить. Такая ничтожная свобода, что от неё внезапно задрожали губы. Я пила прямо из ладоней, захлёбывалась, всхлипывала, а потом умыла лицо и смотрела, как грязная вода уносится в слив.

— Ты выбралась, — сказала отражению. — Теперь не смей снова всё испортить.

Жестоко. Но иначе я уже не умела разговаривать с собой. Стоило пожалеть ту девочку, которой была, как она начинала плакать, просить маму и складываться пополам от воспоминаний. Мне нужна была не жалость. Мне требовались деньги, телефон и человек, способный понять русский язык.

У кассы я попыталась объяснить женщине, что меня похитили. Сначала по-английски, потом жестами. Она нахмурилась, позвала молодого парня. Тот понял слово «полиция», но ответил слишком быстро на местном языке и указал куда-то за окно. Я показала на телефон возле кассы, затем сложила ладони в умоляющем жесте.

— Please. One call. My father. Russia.

Женщина покачала головой и протянула руку, требуя

деньги. Я вывернула пустые карманы. На её лице появилась смесь раздражения и подозрения. Она что-то сказала парню, и тот направился ко мне. Наверное, хотел вывести. Или задержать. Паника мгновенно сдавила горло. Я попятилась, зацепила стойку с бутылками, несколько упало. Пластик загрохотал по полу. Все снова посмотрели на меня.

— Простите, — прошептала я по-русски, хотя никто не понимал. — Я не хотела.

Я выскочила наружу, чувствуя, как унижение обдирает кожу. Дочь Андрея Воронова, жена Саида Нармузинова — два мужских имени, способных открыть любые двери, пока я сама не могла получить даже один телефонный звонок. Без них я была никем. Босой нерв, завёрнутый в чужую одежду. И всё же лучше никем на свободе, чем чьей-то женщиной за стеной.

У входа в магазин курил мужчина в синей куртке. Светловолосый, худощавый, лет сорока, с обычным усталым лицом. Не похож на местного. Я несколько секунд смотрела на него, пытаюсь заставить ноги двигаться. Просить помощи у мужчины. Снова довериться незнакомцу. Мухаммад тоже выглядел обычным. Красивым, добрым, влюблённым. Он говорил, что защитит. Потом отдал меня за деньги.

Мужчина заметил мой взгляд и нахмурился.

— Девушка, с вами всё хорошо?

Русский язык обрушился на меня спасательным кругом. Я шагнула к нему и чуть не упала. Он отбросил сигарету,

попытался поддержать, но я отшатнулась так резко, что он поднял руки.

— Спокойно. Я не трону. Что случилось?

— Телефон, — выдохнула я. — Пожалуйста. Мне нужно позвонить.

— Конечно.

Он достал смартфон и протянул. Я схватила его обеими руками. Пальцы дрожали, цифры расплывались. Номер отца. Я знала его всю жизнь, но сейчас вместо цифр в голове стоял белый шум. Первые три. Потом ещё две. Нет. Не так. Я стёрла и начала снова.

— Не торопитесь, — мягко сказал мужчина. — Вы откуда здесь одна?

— Я... меня держали. Забрали документы. Я сбежала.

Его лицо изменилось — удивление, тревога, сочувствие. Всё правильное. Слишком правильное.

— Кто держал?

— Муж.

Слово обожгло язык. Я ненавидела его настолько, что захотелось выплюнуть вместе с кровью.

— Он не муж. Меня заставили. Угрожали папе. Я должна позвонить отцу.

— Позвоните. Потом отвезу вас в полицию или консульство. Я сам из России, здесь по работе. Вам повезло меня встретить.

Повезло. В моей жизни это слово всегда произносили пе-

ред тем, как ударить. Тебе повезло, что осталась жива. Повезло, что Саид остановился. Повезло, что отец богатый. Везение — красивое название для боли, которая могла оказаться ещё сильнее.

Гудки. Один. Второй. Третий.

Я прижала телефон к уху, зажав второе рукой, будто так могла притянуть голос папы через расстояние.

— Возьми. Пожалуйста, возьми...

На пятом гудке включился автоответчик. Я сбросила и набрала снова. Мужчина поглядывал на дорогу. Нервничает. Наверное, боится, что появятся мои похитители. Я тоже посмотрела туда. Белый фургон всё ещё стоял у колонки, водитель исчез внутри магазина.

— Поехали, — предложил незнакомец. — Здесь небезопасно ждать. Позвоните из машины.

— Куда?

— В город. Там участок и гостиница. Вы сможете привести себя в порядок.

Последняя фраза кольнула. Привести себя в порядок. Я опустила взгляд на одежду. Брюки в пыли, свитер помят, на рукаве тёмное пятно. Наверное, действительно выгляжу безумной беглянкой.

— Как вас зовут?

— Виктор. А вас?

Я замялась. Имя — тоже оружие. Мухаммад передал его вместе со мной. Саид произносил «Карина» так, будто ста-

вил печать на собственности.

— Катя.

Виктор улыбнулся, и я почти поверила, что перехитрила его.

— Очень приятно, Катя. Машина там.

Он указал на серый микроавтобус у обочины. Не легковая. Не такси. Фургон с затемнёнными окнами. Внутри всё оборвалось.

— Я останусь здесь.

— Вы же слышали, отец не ответил. Люди, от которых вы сбежали, скоро вас хватятся.

— Я попрошу вызвать полицию.

— Здесь полиция может вернуть вас мужу, если брак оформлен официально.

Я посмотрела ему в глаза. Светлые, спокойные. Ни одной эмоции, кроме участия. Но правая рука исчезла в кармане куртки.

— Отдайте телефон.

— Он у вас.

Я перевела взгляд на смартфон и только сейчас заметила: связи больше не было. Экран погас. Виктор нажал что-то дистанционно? Или сеть пропала? Я попятилась.

— Спасибо. Я пойду.

— Куда, Катя?

— Не ваше дело.

— Конечно. Но у нас мало времени.

Он больше не улыбался. Усталое лицо словно стёрли, и под ним проступило другое — холодное, собранное, хищное. Я бросила телефон ему в грудь и побежала к магазину.

Сделала всего три шага. Щиколотку прострелило болью, я пошатнулась, а его рука сомкнулась на моём локте. Мир взорвался. Я закричала, ударила его ногтями по лицу, попыталась укусить. Он выругался, выкручивая руку за спину.

— Тихо, дура! Тихо, если жить хочешь!

— Помогите! — крик разорвал горло. — Полиция! Помогите мне!

Люди у магазина обернулись. Виктор заговорил на местном языке, громко и раздражённо, показывая на меня, потом на свою голову. Смеётся. Объясняет, что я сумасшедшая? Жена? Наркоманка? Один мужчина понимающе усмехнулся и отвернулся. Женщина с ребёнком ускорила шаг.

Никто не подошёл.

Снова. Меня снова не слышали. Как тогда, на свадьбе, когда музыка гремела за стеной, а я кричала в чужую ладонь. Как в трюме. Как в доме Саида. Мой голос существовал только для меня — бесполезный, сорванный, incapable изменить даже направление чужого взгляда.

— Отпусти! Мой отец тебя найдёт!

— Знаю, кто твой отец.

Я замерла. Всего на секунду, но этого хватило. Виктор прижал к моему лицу ткань. Резкий сладковатый запах ударил в нос. Я задержала дыхание и изо всех сил наступила ему

на ногу. Он дёрнулся, хватка ослабла. Я вырвалась, оставив кусок рукава в его пальцах, и метнулась между машинами.

Водитель белого фургона наконец вышел из магазина. Увидел меня, раскрыл рот. Я не знала, помощник он или ещё один предатель, но другого выбора не было.

— Помоги! — бросилась к нему. — Саид! Позвони Саиду!

На лице мужчины отразился ужас. Он шагнул навстречу, но сбоку появился второй человек и ударил его металлической трубой по голове. Водитель рухнул на асфальт. Кровь быстро растеклась под виском.

Я отступила. Один шаг. Второй. Позади уже стоял Виктор, прижимая ладонь к исцарапанной щеке.

— Нервная ты, — сказал он по-русски. — А мне говорили, тихая.

— Кто говорил?

— Добрые люди.

Из микроавтобуса вышли ещё двое. Один открыл боковую дверь. Внутри темно. На полу лежали пластиковые стяжки и чёрная сумка. Ноги перестали держать. Я смотрела на эту темноту и понимала: свобода продлилась меньше десяти минут.

— Саид вас убьёт, — прошептала я.

Виктор подошёл ближе. Кровь из царапин на его лице уже стекала к подбородку, но он улыбнулся.

— Возможно. Если успеет раньше твоего папочки. Ду-

маю, оба заплатят хорошо.

— Я ничего не стою.

— Ошибаешься. Ты сейчас самая дорогая девочка в этой стране.

Он протянул руку. Я отшатнулась, но сзади меня схватили двое. Один заломил руки, второй стиснул талию. Я билась, лягалась, кричала, пока в груди что-то не разорвалось от бессилия. Мужчины тащили к открытой двери, а я видела на асфальте кровь водителя и снова мамино белое платье, быстро становившееся красным.

— Нет! Пожалуйста! Не надо! Я не хочу туда!

Собственные слова убивали сильнее их рук. Те же просьбы. Тот же крик. Сколько раз человек может переживать один и тот же ад, прежде чем перестанет возвращаться из него?

Меня швырнули на пол микроавтобуса. Колено ударилось о металл, губа лопнула о чью-то ладонь. Виктор наклонился, затащил стяжку на запястьях и провёл пальцем по моей щеке. Я дёрнулась, но он схватил за волосы, запрокидывая голову.

— Не бойся, — произнёс почти ласково. — Мы тебя не обидим. Ты нужна целой и красивой.

Я плюнула ему в лицо.

Он медленно вытер щёку и усмехнулся.

— Вот теперь узнаю породу Вороновых.

Дверь начала закрываться. Последняя полоса солнца легла на мои руки, стянутые пластиком, и исчезла.

— Куда вы меня везёте?

Виктор сел напротив, включил телефон и набрал сообщение. Потом поднял на меня глаза.

— Туда, где за тебя заплатят больше, рыбка.

Слово вонзилось точно под сердце.

Рыбка.

Так меня называли люди, которые уже однажды продали меня.

И в ту секунду я поняла: Авра не открыла клетку. Она просто передала ключ другим мужчинам. А я сама вошла в их машину, сама унесла себя из единственного места, где до меня не могли дотянуться эти руки. Где-то далеко Саид, наверное, уже держал моё кольцо и сходил с ума от ярости. Впервые я захотела не убежать от него, а чтобы он нашёл меня раньше остальных.

## Глава 4

### САИД

Когда мне принесли фотографию окровавленного водителя, я понял, что ярость бывает слишком большой даже для человеческого тела. Она не взрывается — взрыв оставляет после себя облегчение. Она медленно раздвигает кости изнутри, заставляет сердце биться о рёбра, как приговорённого о дверь камеры, и превращает каждый вдох в обещание убить. На экране телефона мужчина лежал возле белого фургона, голова вывернута к плечу, под виском распол-

залось тёмное пятно. В нескольких метрах камера заправки поймала серый микроавтобус и кусок светлых волос в чужих руках. Этого хватило. Карина не сбежала. Её забрали.

Я смотрел на размытый кадр и чувствовал, как во рту становится сухо, а ладонь, всё ещё сжимавшая её кольцо, немеет от боли. Несколько минут назад я хотел найти беглянку, поставить перед собой и спросить, как она посмела уйти. Теперь от этой мысли затошнило. Она посмела, потому что я сделал собственный дом продолжением того трюма, из которого её вытащил. Я запирали двери, отдавал приказы, угрожал её отцу и называл это защитой, пока настоящие торговцы людьми ждали снаружи, зная, что рано или поздно страх передо мной вытолкнет её прямо к ним.

— Водитель жив? — спросил я.

Орс стоял напротив стола, залитого светом экранов. На его бороде блестели капли пота, хотя в кабинете работал кондиционер. Он не боялся крови и не боялся смерти, но сейчас тщательно выбирал слова, потому что видел: неверная интонация может стать последней.

— Дышит. Везут в больницу. Удар тяжёлый, но врач говорит, шанс есть.

— Он что-нибудь сказал?

— Только одно имя. Виктор.

Я усмехнулся, и несколько человек возле стены одновременно напряглись. Виктор. Удобное русское имя, такое же настоящее, как улыбка сутенёра перед закрытой дверью. На

записи мужчина был повернут боком: светлые волосы, синяя куртка, обычное лицо. Он мог быть туристом, инженером, дальнобойщиком, кем угодно. Именно такими делают людей, которых не должны запомнить.

— Поднимите камеры на всех дорогах. Аэропорт, порт, частные полосы, границы. Найдите микроавтобус, даже если его уже разобрали на болты. Проверьте каждое русское землячество, каждую охранную фирму и всех, кто за последние сутки покупал одноразовые телефоны возле нашего района.

— Уже начали.

— Значит, начали медленно.

Орс опустил глаза. Я швырнул телефон на стол, но экран не погас, и застывшая Карина продолжала тянуться к водителю, ещё не зная, что следующая секунда расколется её надежду металлической трубой. Светлый свитер был испачкан, одна нога подвёрнута. Она бежала. Моя девочка бежала к незнакомому человеку, просила позвонить мне, а я в это время стоял в спальне и обещал вырезать глаза охране, потому что считал себя униженным.

— Она кричала моё имя, — сказал Орс тише.

Я поднял голову.

— Что?

Он коснулся панели, включил запись со звуком. Ветер и шум машин почти съедали голоса, но я услышал. Сначала её сорванное «Помогите», затем удар, женский крик и моё имя. Саид. Позвони Саиду.

Всего два слова, а меня будто распороли от горла до живота и оставили стоять, наблюдая, как на пол падает всё, что я годами принимал за силу. Она звала меня. Не отца. Не полицию. Меня. Карина, которая вздрагивала от моих прикосновений и смотрела в глаза так, словно видела там собственную могилу, в последнюю секунду выбрала моё имя. А я не услышал.

— Ещё раз, — приказал я.

Орс включил запись снова.

— Ещё.

На третий раз голос треснул внутри меня вместе с чем-то, чему я не хотел давать названия. Я вцепился пальцами в край стола, пока дерево не скрипнуло. Хотелось разбить экраны, но на них оставалась она — последняя живая секунда, которой я располагал. Я не имел права уничтожить даже один пиксель.

— Выключи.

Тишина после её крика оказалась страшнее самого крика.

— Приведите Авру.

Никто не пошевелился сразу. Они знали, кем она была для моего дома, чью фамилию носила и сколько родственных союзов держалось на нашем браке. Я медленно обвёл людей взглядом.

— Я плохо произнёс?

Двое охранников вышли. Через несколько минут дверь распахнулась, и Авра вошла сама, не позволив держать се-

бя за руки. Чёрное платье струилось вокруг неё, лицо оставалось спокойным, только пальцы были сцеплены слишком крепко. Когда-то эту выдержку я считал достоинством. Теперь видел в ней аккуратно прикрытую яму.

— Ты хотел меня видеть.

— Хотел? — Я поднял телефон и повернул экран к ней.  
— Посмотри.

Её взгляд скользнул по фотографии водителя, задержался на сером микроавтобусе и вернулся ко мне. Ни вопроса. Ни удивления. Только короткое движение ресниц, настолько ничтожное, что другой мужчина пропустил бы его. Но я много лет выживал среди лжецов.

— Что это?

— Твоя ошибка.

— Я не понимаю.

— Не оскорбляй меня глупостью, Авра. Ложь я ещё могу счесть отчаянной попыткой спастись, но если ты решила, что я идиот, спасать станет нечего.

Она побледнела, однако подбородок подняла выше.

— Девочка сбежала. Ты сам запер в доме женщину, которая тебя ненавидит. Неужели тебе обязательно назначить виноватой меня, чтобы не смотреть в зеркало?

Слова попали точно. Авра знала, куда бить: не в гордость, а в ту гниющую правду, которую я уже успел найти внутри себя. Но боль не делала её невиновной.

— Она знала маршрут фургона. Знала время, место оста-

новки и дверь, которую можно открыть изнутри. Охрана у гаража получила приказ уйти. Баянат устроила скандал именно в нужную минуту. В моём доме совпадения случаются только тогда, когда я их организую. Сегодня меня здесь не было.

— Возможно, она умнее, чем ты думаешь.

— Она умнее нас обоих. Поэтому оставила кольцо там, где я должен был его найти. Но людей на заправке она не ждала.

В глазах Авры наконец дрогнул страх. Не раскаяние — страх женщины, увидевшей, что пожар, зажжённый у чужой кровати, уже лижет стены её комнаты.

— Я хотела, чтобы она ушла, — произнесла она после паузы. — Только ушла. Из дома. Из нашей жизни.

— Нашей?

Я поднялся. Авра отступила на полшага и тут же заставила себя остановиться. Между нами было меньше метра, но впервые за годы я увидел её по-настоящему: красивую, гордую, несчастную женщину, которая слишком долго поклонялась мужчине, никогда её не любившему, а потом решила принести ему в жертву другую.

— Я была твоей женой задолго до неё, — голос Авры задрожал, но каждое слово она выталкивала с упрямой ясностью. — Я терпела твои исчезновения, женщин, молчание, презрение. Я ждала ребёнка, которого ты не хотел дать. Я сидела за твоим столом, улыбалась твоим родственникам и делала вид, что не замечаю, как ты возвращаешься с чужим

запахом. А потом ты привёз её. Девчонку. Русскую. Изнасилованную, сломанную, ненавидящую тебя — и впервые посмотрел на женщину так, как никогда не смотрел на меня.

— Поэтому ты продала её?

— Я помогла ей сбежать!

Крик сорвался, обнажив всё, что она прятала под ровным голосом. Я шагнул ближе.

— Кому ты сообщила маршрут?

— Никому.

— Авра.

— Я не знала, что там будут люди!

— Кому?

Она сжала губы, и я увидел ответ раньше, чем услышал. Не имя — причину молчания. Ей угрожали. Или обещали то, чего она хотела сильнее безопасности. В любом случае Карина сейчас платила за её выбор.

Я взял Авру за запястье. Не сжал, просто коснулся двумя пальцами, но она вздрогнула, потому что знала: моё спокойствие всегда было последней дверью перед бойней.

— Ты годами хотела, чтобы я увидел в тебе женщину. Поздравляю. Я вижу. Вижу ревность, способную отдать другую на руки торговцам. Вижу трусость, которая называет предательство помощью. И вижу человека, от которого зависит, успею ли я найти Карину прежде, чем её снова заставят пережить то, после чего она до сих пор просыпается с криком.

По щеке Авры скользнула слеза. Она быстро стёрла её,

будто стыдилась не поступка, а слабости.

— Я не знала, — прошептала она. — Мне сказали, что её отвезут к отцу.

— Кто?

— Женщина. Она позвонила три недели назад. Знала про Карину, про свадьбу, про твои поездки. Сказала, что работает на Воронова.

— Имя.

— Она назвалась Верой.

Орс уже печатал что-то в телефоне. Я не отводил взгляда от Авры.

— Номер?

— Одноразовый. Она звонила сама. Сегодня я отправила сообщение, что фургон выехал.

— Покажи.

— Я удалила.

Я рассмеялся. Звук получился тихим и мёртвым.

— Конечно. Ведь ты всего лишь спасала девочку. Поэтому уничтожила доказательства её спасения.

Авра закрыла глаза. Плечи впервые опустились, и на мгновение она стала не соперницей Карины и не хозяйкой дома, а женщиной, которая поняла: одно нажатие пальца уже нельзя забрать обратно.

— Саид, я клянусь, я не хотела, чтобы ей причинили вред.

— Вред уже причинён. Она поверила тебе.

Эта мысль ударила особенно жестоко. Карина, не доверяв-

шая ни одному движению моих рук, доверилась Авре. Возможно, потому что увидела в ней женщину, пленницу такого же дома, союзницу. Авра использовала единственную дверь, которую Карина ещё могла открыть без ужаса.

— Что ты со мной сделаешь? — спросила она.

— Ничего.

Она подняла глаза, и в них вспыхнула нелепая надежда.

— Пока ничего, — уточнил я. — Ты останешься в комнате без телефона, окон и слуг. Будешь вспоминать каждое слово этой женщины, каждый звук на линии. Если Карина вернётся раненой, ты увидишь раны. Если не вернётся — услышишь, как я разрушаю всё, что ты пыталась сохранить. Твою семью, имя, деньги. А последней останешься ты, чтобы понять цену одного сообщения.

— Ты любишь её, — выдохнула Авра.

Я хотел ударить словом, рассмеяться ей в лицо, назвать любовь болезнью слабых мужчин. Но на экране лежал окровавленный водитель, а из динамика всё ещё звучало невидимое «Позвони Саиду». Ложь застряла в горле.

— Уведите.

Когда дверь закрылась, Орс положил передо мной распечатку.

— Номер уже нашли. Последний сигнал — возле старого промышленного района. Потом устройство отключили. Микроавтобус попал ещё на две камеры, дальше номер сменили. Есть направление.

— Сколько времени мы потеряли?

— Сорок семь минут с момента заправки.

Сорок семь минут. Достаточно, чтобы пересадить её в другую машину, сменить одежду, вколоть препарат, вывезти к морю. Достаточно, чтобы она решила, будто я не приду. От этой мысли ломило челюсть.

— Поднимай всех. Живыми брать только тех, кто знает следующий адрес.

— А если за этим действительно люди Воронова?

— Тогда он услышит меня раньше, чем они успеют потребовать деньги.

Я набрал номер Андрея сам. Наше перемирие всегда держалось на тонкой проволоке: он терпел меня, потому что дочь была жива, я терпел его, потому что Карина смотрела на телефон каждый раз, когда слышала русскую речь. Сейчас проволока лопнула.

— Нармузинов, — голос Воронова был холодным. — Если ты звонишь сказать, что моя дочь снова плакала из-за тебя, советую сначала выбрать гроб.

— Карину похитили.

На линии наступила тишина. Не растерянная — смертельная. Я узнал её, потому что сам стоял внутри такой же.

— Повтори.

— Она сбежала из дома. На заправке её забрали трое мужчин. Один русский, представился Виктором. Они знают, кто она, и собираются продать тому, кто заплатит больше.

— Она сбежала от тебя, — медленно произнёс Андрей, и каждое слово было ударом молота. — Моя дочь, пережившая похищение, торговлю и изнасилование, снова полезла в фургон, лишь бы оказаться подальше от тебя. А ты позволил другим забрать её.

Я закрыл глаза. Хотелось ответить угрозой, но он говорил правду. Правду невозможно убить, даже если убить человека, который её произнёс.

— Можешь ненавидеть меня позже. Сейчас пришли людей и всё, что у тебя есть по старым каналам продажи женщин. Они называли её рыбкой.

Воронов тяжело вдохнул. В трубке что-то разбилось.

— Кто сказал это слово?

— Человек, назвавшийся Виктором.

— Я подниму архивы. Если с её головы упадёт хотя бы волос...

— Встанешь в очередь, Андрей.

— Нет, Саид. Если она погибнет, очередь начнётся с тебя.

Он отключился. Я не рассердился. Возможно, потому что уже вынес себе тот же приговор.

Орс протянул оружие, но я покачал головой и взял другое — то, которым когда-то выстрелил рядом с Кариной, заставляя её подчиниться. Металл лёг в ладонь холодной памятью. Я вынул магазин, заменил патроны и понял, что руки не дрожат. Страх закончился. Осталась цель.

На столе рядом с оружием лежали подарки, которые я

привёз ей утром. Цепочка с крошечной фиалкой, книга, кашемировый свитер цвета зимнего неба. Вещи человека, вообразившего, что нежность можно доставить в красивых коробках после того, как ты забрал у женщины выбор. Я взял цепочку, и тонкий металл запутался между пальцами. Карина наверняка швырнула бы её мне в лицо. Возможно, спросила бы, сколько закрытых дверей стоит одна фиалка. Я бы ответил чем-нибудь жестоким, потому что жестокость всегда приходила ко мне раньше честности, а потом всю ночь смотрел бы, как украшение лежит на полу между нами, похожее на разорванную золотую нить.

— Господин, — осторожно позвал Орс.

— Я слышу.

— Машины готовы.

Я положил цепочку в карман рядом с её кольцом. Два маленьких предмета ударились друг о друга, издав едва слышимый звон, и меня внезапно пронзила невозможная картина: Карина стоит передо мной живая, злая, с разбитой губой и ненавистью в светлых глазах, а я возвращаю ей оба украшения и впервые не требую надеть. Не застёгиваю цепочку сам. Не беру руку. Просто раскрываю ладонь и позволяю выбрать. В этой фантазии было больше близости, чем во всём, что я успел сделать с ней, и от осознания во мне что-то болезненно сжалось.

— Если она прикажет мне уйти, — произнёс я, не глядя на Орс, — ты не станешь вмешиваться.

Он замолчал так надолго, что я поднял голову.

— Даже если прикажет уйти прямо там?

— Сначала мы вытащим её. Убедимся, что она в безопасности. После этого ни ты, ни кто-либо другой не посмеет удерживать её ради меня.

— А вы?

— Я сказал: никто.

Собственные слова резали горло. Ещё час назад я был готов привязать Карину к себе всеми законами, страхами и людьми, которыми владел. Теперь одна кровавая фотография объяснила то, чего не смогли объяснить её слёзы: защищать — значит встать между человеком и опасностью, а не между человеком и свободой. Я понял это слишком поздно, но ещё не настолько поздно, чтобы позволить ей исчезнуть.

У двери Орс остановил меня взглядом.

— Если найдём её, что вы скажете?

— Ничего.

— Она может снова попытаться бежать.

— Тогда буду идти следом столько, сколько потребуется.

Я произнёс это и впервые понял, что вернуть Карину — не значит снова запереть. Нельзя спасти человека из клетки, захлопнув за ним другую. Но просить прощения я не умел, отпускать — тем более. Значит, придётся научиться чему-то из этого, если она останется жива.

Телефон Орса завибрировал. Он прочитал сообщение, и лицо ожесточилось.

— Нашли микроавтобус. Брошен возле склада. Внутри кровь и её фотография.

На присланном снимке лежал знакомый прямоугольник с заломанным уголком. Фотография матери, которую Карина носила у сердца. По лицу женщины шла красная полоса, а на обороте кто-то написал по-русски одно предложение.

Орс перевёл, хотя я уже понял смысл по его глазам.

— «Хочешь получить девочку — вспомни, кому принадлежало пекло».

Я коснулся экрана большим пальцем, словно мог стереть кровь с чужого лица. Это было не случайное похищение и не охота за выкупом. Кто-то возвращал Карину туда, откуда она однажды выбралась, и хотел, чтобы мы шли по следу, захлёбываясь её ужасом.

Я убрал телефон в карман и вышел из кабинета.

— Саид, — окликнул Орс. — Кому принадлежало пекло?

Я посмотрел на людей, уже заряжавших оружие в холле, и почувствовал, как внутри окончательно умирает мужчина, считавший любовь правом владеть. На его месте оставался тот, кто готов был разнести половину мира, чтобы одна сломанная девочка снова увидела небо.

— Тому, кого мы не добились в прошлый раз.

## **Глава 5**

### **КАРИНА**

Пластиковая стяжка впивалась в запястья при каждом по-

вороте машины, но настоящая боль жила не в руках. Она сидела глубже, под рёбрами, и медленно грызла меня изнутри словом «рыбка». Я пыталась убедить себя, что это совпадение, дешёвая кличка, которую мог придумать любой ублюдок, увидев светлые волосы и испуганные глаза, но тело уже узнало прошлое раньше разума. Оно всегда узнавало. Достаточно было запаха резины, мужского пота и закрытого кузова, чтобы кожа перестала принадлежать мне, а внутри снова проснулась девочка, лежавшая рядом с убитой матерью и умолявшая чужие руки остановиться.

Я сидела на металлическом полу, прислонившись плечом к стенке микроавтобуса, и считала вдохи. На десятом сбивалась. На пятнадцатом начинало тошнить. На двадцатом машина превращалась в трюм, Виктор — в худого мужчину с крысиными глазами, а шорох шин — в плач девушек, которых выводили по одной и не всегда возвращали. Я зажмуривалась, но темнота только помогала памяти. Тогда я открывала глаза и смотрела на Виктора, заставляя себя видеть настоящее: синяя куртка, царапины на щеке, кровь у губы, светлые глаза без всякой теплоты.

— Долго ещё? — спросила я, ненавидя дрожь в голосе.

Он оторвался от телефона.

— Соскучилась по мужу?

— По тому моменту, когда он вырвет тебе язык.

Виктор усмехнулся, но взгляд стал жёстче. Значит, имя Саида действовало. Значит, они не были бесстрашными —

только хорошо оплаченными.

— Муж у тебя щедрый? — спросил мужчина справа. Он говорил по-русски хуже, тяжело проглатывая окончания. — Заплатит?

— Сначала заплатит. Потом найдёт вас и заберёт деньги обратно вместе с кожей.

Слова получились почти сайдовскими — холодными, спокойными, бесчеловечными. Меня передёрнуло от того, насколько естественно они легли на язык. Я ненавидела Нармузинова, но сейчас заворачивалась в его жестокость, как в украденное пальто, потому что собственного оружия не осталось.

— Слышал? — Виктор посмотрел на сообщника. — Принцесса угрожает.

— Я предупреждаю. Угрожать он будет сам.

Он наклонился, упираясь локтями в колени.

— А если не найдёт?

Я хотела ответить сразу, рассмеяться ему в лицо, но горло сдавило. Саид не знал, куда меня увезли. Отец не знал даже, в какой стране искать. Фотография мамы осталась неизвестно где. У меня не было телефона, документов, имени города. Только мужчины, темнота и моё нелепое желание верить, что человек, от которого я сбежала, уже идёт за мной.

— Найдёт, — сказала я. — Вам не повезло забрать единственную вещь, которую он считает своей.

Виктор медленно улыбнулся.

— Вещь. Правильное слово.

Он произнёс это намеренно, и унижение полоснуло по горлу. Для них я была товаром. Для Саида — собственностью. Для отца — дочерью, которую он любил так сильно, что запирали в золотой безопасности и всё равно однажды не уберёг. А кем была я сама? Женщиной, способной сделать хотя бы один выбор, или бесконечной посылкой, которую мужчины передавали друг другу, споря о праве вскрыть упаковку?

— Ты тоже вещь, Виктор, — прошептала я. — Просто дешёвая. Тебя выбросят, как только получают меня.

Улыбка исчезла. Он ударил меня тыльной стороной ладони — коротко, без размаха. Голова стукнулась о металл, во рту появился вкус крови. Я прижала язык к разбитой губе и улыбнулась сама. Боль была настоящей, сегодняшней. Она вытолкнула прошлое на несколько шагов назад.

— Попала, да?

— Закрой рот.

— Значит, попала.

Он схватил меня за подбородок, но машина резко свернула, и Виктор пошатнулся. Я дёрнула головой, освобождаясь. За стенами изменился звук: шины зашуршали по гравию, потом под днищем застучали камни. Мы съехали с дороги. Сердце провалилось так низко, что заболел живот.

— Куда вы меня везёте?

— Домой, рыбка.

Я перестала дышать.

Мужчины переглянулись, наслаждаясь моей реакцией. Они знали. Знали не только имя, отца и Саида. Они знали слово. Знали, что оно сделает со мной. Это была не случайная охота за богатой девочкой — меня вели по собственным шрамам, как по дорожным указателям.

Микроавтобус остановился. Боковая дверь открылась, и дневной свет ударил в глаза. Я зажмурилась, а когда снова увидела мир, передо мной стоял полуразрушенный склад: серые стены, ржавые ворота, чёрные провалы окон. Не тот самый. Я бы узнала. Или память уже исказила место настолько, что любой склад казался тем трюмом?

— Выходи.

— Руки развяжи.

— Обойдётся.

Виктор схватил меня за локоть и потащил наружу. Я подогнула ноги, заставив его принять мой вес, затем резко ударила затылком в лицо. Он выругался, хватка ослабла. Я рванула в сторону, но стянутые руки лишали равновесия. Сделала три шага, наступила на камень и упала на колени. Боль взорвалась под кожей, ладони беспомощно дёрнулись за спиной.

— Беги, — рассмеялся кто-то. — Давай, богатая. Покажи.

Я поднялась. Брюки на коленях потемнели от крови, но я снова шагнула к дороге. Не потому, что могла уйти. Потому что хотела заставить их тащить. Пусть каждый метр моей

покорности достанется им через боль.

Виктор догнал, схватил за волосы и поволок к воротам.

— Я предупреждал, что нужна целой.

— А я предупреждала, что Саид тебя убьёт.

— Может быть. Но сначала он заплатит.

— Нет. Сначала он заставит тебя назвать всех. Потом убьёт. Медленно, потому что быстро он делает только то, что ему безразлично.

Я не знала, правда ли это, но Виктор сильнее сжал пальцы. Страх пахнет одинаково у всех мужчин: резким потом и злостью.

Внутри склада было прохладно. В дальнем углу горела лампа, под ней стояли стол и два стула. Никаких девушек. Никаких клеток. Только камера на штативе, бутылка воды и большой телевизор, на экране которого застыло лицо Саида с фотографии. Его сняли возле ресторана: чёрный костюм, короткие тёмные волосы, почти чёрные глаза, неподвижный рот. Даже плоское изображение умело приказывать.

Я остановилась.

— Зачем камера?

— Мужу привет передашь.

— Передай сам. Скажи, что плохо выбрал профессию.

Меня усадили на стул и примотали руки к спинке. Виктор проверил узлы, затем поставил передо мной воду. Я смотрела на бутылку, чувствуя, как язык прилипает к нёбу.

— Пей.

— Сам пей.

— Боишься?

— Брезгую.

Он открутил крышку, сделал глоток и снова протянул. Я отвернулась. Жажда царапала горло, но в прошлый раз после воды я потеряла сознание и проснулась товаром. Некоторые уроки тело запоминает навечно.

Ворота заскрипели. Мужчины замолчали. По складу разнеслись медленные шаги — неровные, один чуть тяжелее другого. Виктор выпрямился и отступил. Я увидела сначала трость, затем дорогие коричневые ботинки и мужчину лет шестидесяти. Половину его лица пересекал багровый шрам, левое веко не закрывалось до конца, а пальцы, сжимавшие набалдашник, были покрыты пятнами старых ожогов.

Я не знала его.

Но он знал меня.

— Карина Воронова, — произнёс мужчина с мягким акцентом. — Стала ещё красивее. Дауд всегда говорил, что русские девушки дорожают с возрастом, если их не испортить слишком сильно.

Имя раскололо воздух.

Дауд. Человек, которому меня продал Мухаммад. Человек, отправлявший девушек через море, распределявший их по борделям и частным домам. Я никогда не видела его лица — только слышала имя, летавшее над нами, как имя бога в чужом аду.

— Ты не Дауд.

Мужчина улыбнулся изуродованной половиной рта.

— Наблюдательная. Я его брат, Фарид.

— Где он?

— Там, куда его отправили твой отец и Саид Нармузинов.

Под землёй. Правда, тела нам не оставили, поэтому могилы у него нет.

Я сглотнула. Значит, «тот, кого не доби́ли» — не Дауд. Это было хуже. Мёртвый враг не возвращался сам; он оставлял родственников, долги и людей, которые годами растили месть.

— Тогда почему ты говоришь о нём так, будто он жив?

— Пока живо его дело, жива и память. А ты, рыбка, была последним товаром, которого он не успел продать.

Фарид подошёл ближе. Я заставила себя не отшатнуться, хотя стул всё равно не позволил бы.

— Не товаром. Человеком.

— Люди тоже продаются. Просто цена разная. Твой отец доказал это, когда заплатил за информацию. Твой муж — когда заплатил Дауду за тебя.

Я посмотрела на лицо Саида на экране. Он купил меня. Я знала. Слышала обрывки, понимала достаточно. Но внутри уже успела укрепиться спасительная версия: он вытащил меня оттуда потому, что узнал дочь Воронова, потому что не хотел отдавать на аукцион. Фарид превращал спасение обратно в сделку.

— Саид забрал меня.

— Купил. А потом использовал покупку по назначению.

Удар был словесным, но тело согнулось, насколько позволяли верёвки. Перед глазами вспыхнула спальня, разорванное платье, кровь на белой простыне — не моя, его, потому что он остановился. Я вцепилась ногтями в ладони.

— Ты ничего не знаешь.

— Знаю, что ты сбежала от своего спасителя. Очень неблагоприятно.

— Чего ты хочешь?

— Чтобы два великих мужчины почувствовали себя такими же беспомощными, какими делали нас. Воронов разрушил сеть и убил людей. Нармузинов забрал товар, деньги и имя моего брата. Они решили, что пекло принадлежит победителям. Но ад никому не принадлежит навсегда. Он переходит по наследству.

Фарид кивнул Виктору. Тот включил камеру, направил объектив на меня. Красный огонёк загорелся, похожий на крошечный глаз.

— Улыбнись мужу, — сказал Фарид.

— Пошёл ты.

— Хорошо. Такая ты ему понравишься больше.

Он встал за моей спиной и положил ладони на плечи. Меня прошило судорогой. Склад исчез. Снова музыка за стеной, мамино белое платье, мужские руки, мой крик, который никто не услышал. Я рванулась, стул скрипнул по бетону.

— Не трогай меня!

— Вот это оставим, — спокойно велел он Виктору. —  
Страх всегда повышает цену сообщения.

— Саид не заплатит, — выдохнула я. — Он придёт.

— На это и расчёт.

Фарид убрал руки, обошёл стул и присел передо мной. Его незакрывающийся глаз слезился, но взгляд оставался ясным.

— Передай ему, что у него два часа. Он приедет один на старый причал и принесёт документы на маршруты Нармузиновых. Не деньги. Пусть отдаст нам дороги, которые забрал после смерти Дауда.

— Он не приедет один.

— Тогда получит тебя по частям.

В груди стало ледяно, но я посмотрела прямо в объектив.

— Саид, если ты это видишь, не приезжай один.

Виктор шагнул ко мне, однако Фарид остановил его жестом.

— Продолжай.

— Не отдавай им ничего. Найди отца. Найди Макса. Сожгите это место вместе со мной, если придётся, но не позволяйте им снова возить девушек.

Голос сорвался. Я вдохнула, чувствуя, как слёзы жгут глаза, и заставила себя договорить:

— И не смей думать, что я простила тебя только потому, что зову. Я не простила. Я просто... — горло сдавило так, что слово пришлось выталкивать вместе с кровью из разби-

той губы, — я просто знаю, что ты придёшь.

В складе стало тихо. Даже Фарид несколько секунд смотрел на меня без улыбки.

— Очень трогательно, — наконец произнёс он. — Теперь дадим мужу причину поторопиться.

Он достал нож.

Лезвие блеснуло в свете лампы, и я перестала видеть мужчину. Остался только металл, белое платье матери и чужие пальцы. Паника рванула тело на части. Я дёрнулась так сильно, что стул едва не опрокинулся.

— Нет! Не надо! Пожалуйста!

Слово «пожалуйста» унизило сильнее верёвок. Я обещала себе больше никогда не просить мужчин, но страх вырвал его из меня вместе со всхлипом.

Фарид наклонился и перерезал прядь волос возле моего лица. Светлые нити упали на колени.

— Пока только это, рыбка.

Он завернул волосы в фотографию мамы, которую Виктор достал из кармана, и я закричала уже не от страха за себя.

— Не трогай её! Отдай!

— Мёртвым всё равно.

— Мне не всё равно!

Я билась о верёвки, раздирая запястья, пока тёплая кровь не потекла к пальцам. Фарид смотрел с почти научным интересом. Он не хотел просто выкуп. Он собирал мою боль, выбирал, какие куски отправить Саиду и отцу, превращал

память о маме в упаковку для угрозы.

— Выключай, — приказал он.

Красный огонёк погас.

Я мгновенно перестала кричать. Подняла голову и посмотрела на него сквозь слёзы.

— Ты проиграл.

— Почему?

— Потому что хотел показать им сломанную девочку, а записал женщину, которая сказала сжечь твой бизнес. Саид увидит не мой страх. Он услышит адрес между твоими словами.

Фарид ударил меня тростью по колену. Боль была такой яркой, что мир на секунду побелел. Я прикусила губу, но стон всё равно вырвался.

— Умная рыбка тоже попадает на крючок.

— А рыбак иногда тонет.

Он выпрямился. На лице появилась первая настоящая злость.

— Отвезите её вниз. Через час запишем ещё одно видео. Посмотрим, сколько дерзости останется в темноте.

Меня отвязали от стула, но стяжки на запястьях не сняли. Виктор поднял за локоть. Нога подкашивалась после удара, и каждый шаг отдавался в позвоночнике. В дальнем конце склада открылась металлическая дверь. Из глубины потянуло сыростью, ржавчиной и человеческим страхом.

А потом я слышала плач.

Тихий женский плач, сразу несколько голосов.

Я остановилась так резко, что Виктор толкнул в спину.

— Иди.

— Там девушки?

Фарид улыбнулся за моей спиной.

— Ты ведь просила не позволить нам снова их возить. По-знакомься с теми, ради кого предложила себя сжечь.

Лестница уходила вниз. На каждой ступени прошлое поднималось мне навстречу, но теперь в темноте плакала не только память. Там были живые женщины. Я могла снова стать товаром, заложницей, рыбкой на чужом крючке, однако где-то далеко Саид уже получал моё видео, а отец поднимал старые архивы. Впервые их ярость не пугала меня. Я сама направила её сюда.

Внизу пахло мокрым бетоном и дешёвым антисептиком. За решёткой сидели пять девушек: две совсем молодые, почти дети, женщина с разбитой бровью и ещё две, прижавшиеся друг к другу. Одна подняла на меня глаза и что-то быстро спросила на незнакомом языке. Я не поняла ни слова, но услышала главное — надежду. Она решила, что я пришла открыть дверь. От этого взгляда меня раздавило сильнее, чем от трости. Я хотела сказать, что тоже пленница, что мои руки связаны и я не способна спасти даже себя, но язык не повернулся. Иногда правда бывает такой трусливой, что лучше молчание.

— Скоро, — прошептала я по-русски. — За нами придут.

Девушка не поняла, однако мой голос заставил её перестать плакать. Виктор засмеялся и толкнул меня к отдельной клетке.

— За вами? Муж всех заберёт домой?

— Нет. Но он убьёт тех, кто держит ключи.

— Слишком веришь человеку, от которого сбежала.

Я повернулась к нему. Под глазом уже темнела царапина от моих ногтей, и это крошечное доказательство сопротивления согрело лучше надежды.

— Я верю не в его доброту. Я верю в одержимость. Добрые люди могут опоздать, потому что соблюдают правила. Саид правил не замечает.

— Какая романтика.

— Это не романтика. Это диагноз. Но сегодня он убьёт тебя не менее эффективно.

Виктор распахнул решётку и швырнул меня внутрь. Я упала на бок, ушибленное колено пронзило огнём. Он наклонился, собираясь что-то сказать, но я перекатилась и ударила связанными ногами по двери. Металл захлопнулся прямо перед его лицом. Мужчина выругался, дёрнул решётку, а девушки в соседней клетке вдруг засмеялись — сначала одна, затем другая. Смех был тихим, нервным, почти безумным, но он менял воздух. На секунду мы перестали быть грузом и стали людьми, способными унижить своего охранника.

Виктор ударил дубинкой по прутьям.

— Веселитесь. Ненадолго.

Когда он ушёл, я подползла к соседней клетке. Девушка с разбитой бровью просунула пальцы между прутьями. Я не могла дать ей ладонь, поэтому прижалась к её руке лбом. Она что-то прошептала. Возможно, имя. Возможно, молитву.

— Карина, — ответила я. — Меня зовут Карина.

Она повторила, неправильно поставив ударение, и улыбнулась сквозь слёзы. Я закрыла глаза. Имя, произнесённое здесь не как ценник и не как угроза, вернуло мне тело. Я была Мариной Вороновой. Дочерью убитой Елены. Дочерью Андрея. Женой Саида — пока сама не решу иначе. И женщиной, которая уже однажды выбралась из трюма.

Перед тем как дверь захлопнулась, я обернулась к Фариду.

— Ты ошибся в одном.

— В чём?

— Пекло не переходит по наследству. По наследству переходят только долги. И за тобой уже идут двое мужчин, которые умеют взыскивать их кровью.

## Глава 6

### САИД

Видео пришло, когда мы подъезжали к брошенному микроавтобусу, и первые несколько секунд я не смог нажать на экран. Большой палец застыл над сообщением, будто тело знало: после просмотра я уже никогда не смогу вернуться к мужчине, которым был утром. Можно не видеть чужую боль и продолжать называть себя защитником. Можно не

слышать крик и убеждать себя, что женский страх — всего лишь непокорность. Но если человек, которого ты сломал, смотрит прямо в камеру и всё равно верит, что ты придёшь, ложь внутри тебя умирает с таким треском, что оглохнуть должны целые города.

— Включай, — сказал Орс.

Я посмотрел на него, и он отвёл глаза.

— Я не тебе приказал.

— Господин, мы теряем время.

В другой день за эти слова он лишился бы должности, возможно, зубов. Сегодня я только нажал на воспроизведение.

Карина появилась на экране привязанной к стулу. Разбитая губа, грязь на свитере, светлые волосы спутались вокруг бледного лица. Один локон прилип к крови у рта. Но глаза оставались ясными — почти прозрачными, холодно-голубыми, теми самыми, ради которых я купил ненужный свитер и придумал себе, что внимательность способна заменить раскаяние.

«Саид, если ты это видишь, не приезжай один».

Голос дрожал, но подбородок она держала высоко. За её спиной стоял мужчина с изуродованным лицом. Я знал этот профиль. Видел его много лет назад возле Дауда, когда ещё делал вид, будто не понимаю, откуда на складах брата появляются испуганные женщины.

Фарид.

Младший брат, бухгалтер и тень. Человек, который нико-

гда не пачкал рук на глазах свидетелей и поэтому пережил всех, кого следовало похоронить вместе с Даудом.

Карина продолжала говорить: не отдавай им ничего, найди отца, найди Макса, сожгите это место вместе со мной. Последняя фраза врезалась под рёбра и провернулась там тупым лезвием. Она предлагала сжечь себя, лишь бы другие девушки не оказались в том же трюме. А я ещё недавно считал её слабой, капризной, избалованной дочерью богатого отца, которую можно сломать достаточным количеством приказов.

«И не смей думать, что я простила тебя только потому, что зову. Я не простила. Я просто знаю, что ты придёшь».

На этих словах в салоне машины исчез воздух.

Орс смотрел в окно. Водитель сильнее сжал руль. Никто не произнёс ни звука, но я чувствовал их неловкость, словно Карина при всех раздела меня догола, показав не властного Нармузинова, а мужчину, которому женщина не могла подарить любовь и потому оставила единственное, что ещё имела, — веру в его одержимость.

Потом Фарид достал нож.

Карина закричала.

Я не сразу понял, что согнул телефон. Стекло треснуло под пальцами, изображение разрезала белая линия, но запись продолжалась. Лезвие скользнуло возле её лица и отсекло прядь волос. Фарид завернул их в фотографию матери. Карина билась о верёвки и просила отдать снимок так,

будто он снова убивал женщину у неё на глазах.

— Останови машину, — произнёс я.

Водитель затормозил у обочины. Я вышел, сделал два шага и упёрся ладонями в крышу автомобиля. Тошнота поднялась к горлу. Не слабость — ярость, слишком густая для крови. Перед глазами стояли её слёзы и тот вечер, когда я сам разорвал на ней платье, не остановившись от первого крика. Пусть потом подставил ладонь под нож, пусть не вошёл в неё, пусть заставил собственную кровь стать доказательством её «чистоты» — я уже сделал достаточно, чтобы чужое лезвие вернуло её в ту комнату.

Меня вырвало прямо на пыльную землю.

Орс вышел следом, но не приблизился.

— Никому, — сказал я, вытирая рот. — Никому из дома не рассказывать.

— Не расскажу.

— Если она погибнет...

Фраза не закончилась. Я не мог произнести это условие, потому что мир после него не существовал.

— Она жива, — ответил Орс. — И дала нам больше, чем Фарид понял.

Я выпрямился.

— Что?

— Она сказала: «Услышь адрес между его словами». Вы заметили эхо? И гудок?

Я снова включил запись, ненавидя каждую секунду, но те-

перь слушал фон. За голосом Фарида гудел механизм, затем дважды протянулся низкий корабельный сигнал. Вдалеке металлически лязгнули вагоны.

— Причал рядом с железной дорогой, — сказал Орс. — Не старый порт. Восточная промышленная зона. Там три заброшенных терминала.

— И он требует приехать на старый причал.

— Значит, держит её не там. Встреча — отвлечение.

Карина услышала это, сидя связанной перед камерой. Она говорила нам адрес, пока Фарид наслаждался её страхом. Гордость за неё ударила почти так же больно, как вина.

— Отправь запись Воронову.

— Уже здесь, — раздался за спиной чужой голос.

Чёрный внедорожник остановился без звука. Андрей Воронов вышел первым, высокий, седой у висков, в тёмной рубашке без пиджака. За ним появился Максим — светлее волосами, шире в плечах, с синими глазами, от холодного цвета которых люди обычно забывали дышать. Я видел его раньше и знал репутацию. Зверь не был прозвищем. Это было предупреждение.

Андрей подошёл и без единого слова ударил меня в лицо.

Я не уклонился. Кулак рассёк бровь, голова дёрнулась в сторону. Мои люди потянулись к оружию, люди Воронова сделали то же самое.

— Стволы вниз, — приказал я.

Кровь потекла к виску. Андрей схватил меня за ворот.

— Она сбежала от тебя в фургон.

— Знаю.

— Ты насиловал мою дочь.

Вокруг стало тихо. Даже ветер будто умер.

— Знаю.

Второй удар пришёлся в скулу. Я снова не защитился.

— Не смей произносить это так спокойно!

— А как мне произнести правду, чтобы она перестала быть правдой?

Максим встал рядом с братом. Его синие глаза не мигали.

— Андрей, хватит. Убьёшь после того, как найдём Карину.

— Я обещал ей, — Воронов отпустил ворот, но голос сорвался. — После того, что случилось на свадьбе, я обещал, что никто больше не прикаснётся к ней против воли. А потом отдал её тебе, сам того не зная.

— Ты не отдавал. Я забрал.

Он снова поднял кулак, но Максим перехватил запястье.

— Нам нужна запись.

Я протянул телефон. Андрей смотрел видео неподвижно до момента, когда Карина закричала из-за ножа. Тогда его лицо разрушилось. Не изменилось — именно разрушилось. Губы побелели, глаза заблестели, и на несколько секунд передо мной стоял не Граф, способный выносить смертные приговоры за обеденным столом, а отец, снова увидевший дочь рядом с телом её матери.

— Лена, — прошептал он, когда Фарид развернул фотографию. — Сука... он завернул волосы в её снимок.

Максим забрал телефон, посмотрел оставшуюся часть и поднял на меня взгляд.

— Кто этот урод?

— Фарид, брат Дауда.

— Дауд мёртв.

— Фарид должен был умереть вместе с ним. Я позволил ему исчезнуть, потому что он передал счета и маршруты. Писчитал безвредным бухгалтером.

— В вашем мире бухгалтеры почему-то всегда заканчивают с армиями, — процедил Максим. — Давай адреса.

Орс разложил карту на капоте. Три терминала возле железнодорожной ветки. Один использовался, второй частично снесли, третий числился заброшенным после пожара.

— Шрам, — сказал Андрей. — У Фариды ожоги. Пожар мог быть прикрытием.

— На видео бетонные стены и новый кабель камеры, — Максим увеличил кадр. — Электричество есть. Слышен компрессор или холодильная установка.

— Терминал номер три раньше хранил скоропортящийся груз, — сказал Орс. — Под ним подвальные камеры.

Я вспомнил последнюю фразу Карины. Не позволяйте им снова возить девушек.

— Она видела пленниц, — произнёс я. — Поэтому сказала сжечь бизнес, а не людей Фариды. На терминале держат

товар перед отправкой.

Андрей закрыл глаза на секунду. Когда открыл, в них не осталось слёз.

— Сколько входов?

— Два наземных, один со стороны старого тоннеля. Фарида ждёт меня на причале через два часа и наверняка оставит возле неё людей.

— Поедешь на встречу, — сказал Максим. — Будешь тянуть время. Мы войдём через тоннель.

— Нет.

Он медленно повернул голову.

— Что значит «нет»?

— Карина сказала не приезжать одному, потому что знала: я попробую. Она не просила меня стать приманкой вдали от неё. Я иду внутрь.

— Тебя там ждут.

— Именно поэтому часть людей Фарида будет смотреть на главный вход.

Максим усмехнулся без тени веселья.

— Ты всегда такой самоуверенный или только когда из-за твоей самоуверенности похищают женщин?

Мои люди напряглись. Я шагнул к нему.

— А ты всегда тратишь время на соревнование членами, когда родственница в клетке?

Синие глаза вспыхнули.

— Она мне дочь.

— Тогда веди себя как отец, а не как петух.

Андрей встал между нами.

— Ещё одно слово, и я пристрелю обоих, а Карину вытащу сам.

Максим отвернулся первым. Я вытер кровь с брови.

— На причал отправим мою машину и человека похожего телосложением. Пусть Фарид видит движение. Мы войдём одновременно с трёх сторон. Сначала подвалы. Ни одного выстрела возле клеток, пока не узнаем, где она.

— Командовать моими людьми не будешь, — сказал Андрей.

— Тогда командуй сам, но ошибёшься один раз — я забуду, что ты её отец.

— А я не забуду, что ты её мучитель.

Эти слова вошли точно под сердце. Я кивнул.

— Хорошо. Не забывай. Особенно после того, как найдём. Он пристально посмотрел на меня, словно ожидал угрозы.

— Что это значит?

Я достал из кармана кольцо Карины и положил на карту. Камень поймал солнце.

— Она оставила его в спальне. Не потеряла. Не забыла. Сняла и положила там, где я обязан был увидеть. Если захочет вернуться с тобой, никто её не остановит.

Максим резко вскинул брови. Андрей смотрел то на кольцо, то на меня.

— Даже ты?

Слово «да» не хотело выходить. Оно ломало зубы, разрывало привычную власть, выдирало из груди ту часть меня, которая всё ещё называла Карину своей. Но на экране она сидела связанной из-за того, что одна клетка вытолкнула её в другую.

— Даже я.

Андрей забрал кольцо.

Я мгновенно сжал его запястье.

— Отдашь ей сам, — сказал он. — Если она позволит подойти.

Мы несколько секунд смотрели друг на друга, затем я разжал пальцы. Он вернул кольцо на мою ладонь.

— И если хоть раз снова прикоснёшься к ней без согласия, — тихо продолжил Воронов, — Фарид покажется тебе милосердным человеком.

— Не придётся.

— Думаешь, я поверю?

— Мне не нужна твоя вера. Мне нужна её. А её у меня пока нет.

Максим тихо выругался и ткнул пальцем в карту.

— Закончили семейную терапию? Здесь дренажный тоннель. Если подвал перестраивали, могли поставить решётку. Нужна группа с гидравликой.

Следующие двадцать минут мы распределяли людей, оружие и связь. Два непримиримых клана склонились над одним капотом ради девушки, которая велела нам не спасать

только её. В другой ситуации я бы счёл это унижением: делить командование, выслушивать Максима, терпеть людей Воронова на своей территории. Сейчас гордость казалась мусором, которым богатые мужчины заваливают дорогу к тем, кого якобы любят.

Телефон снова завибрировал.

Новое видео длилось восемь секунд.

Карина лежала на бетонном полу клетки. Руки за спиной, лицо наполовину скрыто волосами. Возле неё на коленях сидела другая девушка и пыталась коснуться её через прутья. Виктор ударил дубинкой по решётке. Карина подняла голову.

— Не смейте трогать их! — крикнула она по-русски.

Камера приблизилась к её окровавленным запястьям, затем повернулась на Фарида.

— Час сорок, Нармузинов.

Запись оборвалась.

Андрей отвернулся, прижимая кулак ко рту. Максим зажмурился, и по его щеке прошла судорога. У меня внутри стало удивительно тихо. Не мёртво — ясно. Карина была в подвале третьего терминала. Живая. Она защищала женщин даже из-за решётки.

— Выдвигаемся, — сказал я.

— План ещё не закончен, — возразил Орс.

— Закончен. Всё остальное решим внутри.

Максим взял автомат и проверил магазин.

— Кто первым увидит Фарида?

— Берёт живым, — ответил Андрей. — Нам нужны каналы и покупатели.

— После допроса он мой, — сказал я.

— После допроса в очередь, — бросил Максим.

Я посмотрел на него.

— Хорошо. Но Виктор мой сразу.

Впервые Зверь улыбнулся почти по-человечески, и от этой улыбки даже мои люди отвели глаза.

— Договорились.

Мы сели в разные машины. Перед тем как закрыть дверь, я достал цепочку с фиалкой и кольцо. Два подарка, два символа моей ошибки. На мгновение представил, как кладу их перед Кариной и раскрываю дверь, не становясь в проходе. Не прошу вернуться. Не приказываю простить. Просто позволяю уйти.

От этой картины ломило кости сильнее, чем от мысли о собственной смерти.

Я спрятал украшения и посмотрел на дорогу.

Дверь с другой стороны открылась, и рядом сел Максим. Я повернул голову.

— Твоя машина сзади.

— Андрей поехал с моими людьми. Решил, что если оставить нас вдвоём, мы либо договоримся, либо сократим число желающих командовать.

— Умный человек.

— Иногда. Особенно когда не выдаёт дочерей замуж за психопатов.

Я приказал водителю трогаться. Максим положил автомат между коленями и несколько секунд смотрел на дорогу. Близко его глаза казались ещё синее — почти неестественными, как небо перед морозом. Карина говорила о нём с обидой и любовью одновременно, называла вторым отцом, хотя в её возрасте подобное признание наверняка казалось унижительным.

— Она рассказывала о тебе, — сказал я.

— Надеюсь, только плохое.

— Говорила, что ты всегда приходишь, когда становится страшно.

Желваки на его скулах напряглись.

— В тот раз не пришёл.

— Какой?

Он посмотрел так, что вопрос сразу стал ошибкой.

— На свадьбе её матери. Я приехал к крови, телу Лены и девочке, которую уже успели уничтожить. Андрей держал Карину на руках, а она не плакала. Просто смотрела сквозь всех. Знаешь, что самое страшное в сломанном ребёнке? Не крик. Тишина. И потом мы оба годами делали вид, что охрана, деньги и закрытые ворота способны собрать её обратно.

Я вспомнил, как Карина молчала после нашей первой ночи. Не кричала, не ругалась. Лежала, отвернувшись к стене, и от этой тишины мне впервые стало неуютно. Я назвал её

смирением, потому что другое слово потребовало бы увидеть себя рядом с теми мужчинами.

— Я тоже принял тишину за победу.

— Поэтому, если сегодня она выберет отца, ты не устроишь перестрелку?

— Нет.

— А если выберет одиночество?

Вопрос вошёл между рёбрами.

— Обеспечу охрану так, чтобы она о ней не знала.

Максим усмехнулся.

— То есть всё равно будешь контролировать.

— Я учусь медленно.

— Тогда начни с простого: спроси.

Я посмотрел на него. Совет звучал почти оскорбительно своей очевидностью. Я умел спрашивать цену, имя предателя, количество вооружённых людей. Спросить женщину, чего она хочет, казалось опаснее допроса, потому что ответ нельзя было заставить измениться.

— Она может сказать, что хочет моей смерти.

— Может. Но после сегодняшнего, думаю, сначала потребует душ.

Я невольно представил Карину грязную, злую, швыряющую в нас полотенцами и приказывающую выйти. В груди болезненно дёрнулось что-то похожее на надежду.

Максим вдруг поднял ладонь.

— Тише.

Из радиции шёл обрывочный доклад передовой группы: движение у северных ворот, два вооружённых охранника, грузовой автомобиль возле пандуса. Затем раздалась фраза, заставившая нас переглянуться.

— В кузов заводят женщин.

Карина не ошиблась. Фарид начал вывозить пленниц раньше назначенного срока. Возможно, понял, что она раскрыла место. Возможно, видео было не торгом, а последней насмешкой.

— Перекрыть дорогу без стрельбы, — приказал я в радицию. — Колёса, двигатель, водителя взять живым. К кузову не подходить, пока группа из тоннеля не подтвердит клетки.

— Мы в семи минутах, — сказал водитель.

— Сделай три.

Автомобиль рванул вперёд. Максим пристегнул ремень и снова взял оружие.

— Если опоздаем, — произнёс он, — Андрей убьёт тебя.

— Если опоздаем, ему придётся искать меня в аду.

— Быстрее.

Колонна сорвалась с места. Впереди поднималась пыль, за ней лежал терминал, подвал и женщина, которая не простила меня, но всё ещё знала, что я приду. Я не имел права опоздать. Не потому, что Карина принадлежала мне.

Потому что впервые я понял: любовь начинается там, где заканчивается право владеть.

## Глава 7

### КАРИНА

Когда за дверью впервые лязгнул засов, ни одна из нас не закричала. Крик — роскошь тех, кто ещё верит, что его услышат правильные люди. Мы сидели на холодном бетоне, прижавшись друг к другу плечами, и слушали, как по коридору катится тяжёлый грохот колёс, как мужчины ругаются на двух языках, как снаружи рычит заведённый грузовик. Этот звук вошёл мне под кожу знакомой ржавой иглой, проткнул настоящее и вытащил наружу другое помещение, другую ночь, белое платье, ставшее красным, мамину руку, соскользнувшую с моей щеки, и мужские голоса, решавшие мою судьбу так буднично, будто я была коробкой, которую следовало погрузить до рассвета.

Меня затошнило. Я впиалась ногтями в ладони, пока боль не стала достаточно острой, чтобы вернуть бетон, клетки и пять живых женщин рядом. Не свадебный зал. Не тот грузовик. Не девятилетняя Карина, которая ждала, что взрослые остановят чудовище. Сейчас взрослой была я, и это открытие оказалось не утешением, а приговором.

— Они нас вывозят, — прошептала русоволосая девушка, назвавшаяся Лерой. Губы у неё дрожали, но голос оставался удивительно ровным. — Ты сказала, за тобой придут.

— Я сказала, что за мной будут искать, — ответила я, с усилием разжимая пальцы. — Это не одно и то же.

— Очень своевременное уточнение.

Сарказм был слабым, почти бескровным, но я ухватилась за него, как за поручень над пропастью.

— Если выживем, разрешу написать на моей могиле: «Она отвратительно формулировала обещания».

Лера посмотрела на меня так, будто решала, можно ли ненавидеть человека и цепляться за него одновременно. Я знала этот взгляд. Так когда-то смотрела на Макса, на отца, а потом на Саида: мужчины обещали защиту, а я каждый раз обнаруживала себя среди обломков их решений.

В соседней клетке тихо плакала совсем молоденькая девушка с рассечённой губой. Кажется, её звали Амина. Она почти не понимала по-русски, зато понимала страх без перевода. Я подползла ближе к решётке, протянула между прутьями руку и коснулась её пальцев.

— Смотри на меня, — сказала я медленно. — Не на дверь. На меня.

Она подняла огромные тёмные глаза. В них было то, чего я не могла выносить, — покорное ожидание боли.

— Когда откроют, упали, — продолжила я, показывая движением. — Вот так. Они наклонятся. Лера ударит первого в колено. Ты возьмёшь ключи.

— Они вооружены, — произнесла женщина постарше, сидевшая у стены. Её звали Мира, и на запястье у неё темнела полоса от пластикового хомута. — А у нас что? Героизм и твои дорогие серьги?

Одну серьгу у меня сорвали ещё наверху. Вторую я выта-

щила из мочки и сжала между пальцами. Тонкий штифт был смешным оружием, но иногда свобода начинается с предмета, который палач не счёл опасным.

— Ещё у нас есть их уверенность, что мы уже сломаны.

— Это не оружие.

— Для глупого мужчины — самое смертоносное.

Мира впервые усмехнулась. Я наклонилась к хомуту на её руках и просунула штифт в замок. Пальцы не слушались. Металл скользил, царапал кожу, а перед глазами вспыхивало лицо Фарида, когда он отрезал прядь моих волос и заворачивал её в фотографию мамы. Он хотел вернуть меня в девять лет, раздавить той девочкой, которая не сумела защитить ни мать, ни себя. Почти получилось. Только он не учёл, что некоторые раны не делают слабее. Они просто превращают страх в бешенство, способное годами лежать под рёбрами и ждать, когда ему дадут имя.

Хомут щёлкнул.

Мира медленно освободила руки и уставилась на меня.

— Дорогие серьги, — выдохнула она.

— Я всегда считала ювелирные украшения хорошей инвестицией.

Мы работали молча. Серьга согнулась на третьем замке, но к тому времени у Миры и Леры были свободны руки. Остальным пришлось оставить петли на запястьях разрезанными не до конца: они должны были выглядеть связанными. Я объясняла жестами, повторяла движения, заставляла каж-

дую посмотреть мне в глаза и кивнуть. Не потому, что у меня был безупречный план. Его не было. Была дверь, двое мужчин за ней и грузовик, который мог увезти нас туда, где уже никто не найдёт ни моего кольца, ни крови, ни имени.

Шаги приблизились. У меня внутри всё оборвалось так резко, словно позвоночник перерубили топором.

— Бояться можно, — прошептала я. — Замирать нельзя.

— Легко сказать, — отозвалась Лера, пряча освобождённые кисти за спиной.

— Неправда. Мне очень трудно это говорить.

Засов отодвинули. Дверь распахнулась, и в подвал вошёл Виктор — тот самый мужчина с заправки, чьё добродушное русское лицо оказалось маской. За ним стоял охранник с автоматом. Виктор скользнул взглядом по клеткам, остановился на мне и улыбнулся.

— Рыбка, готова к путешествию?

От этого слова меня выворачивало. В нём шуршал полиэтилен, пахло бензином и чужим потом, звучал смех мужчин, которые когда-то называли меня куклой. Желудок сжался, во рту стало кисло, но я поднялась, хотя колени дрожали так сильно, что стучали друг о друга.

— А ты готов снова получить коленом в яйца? — спросила я. — В прошлый раз мне не понравилась техника. Хочу исправиться.

Улыбка сползла с его лица.

— Всё шутишь. Фарид сказал, тебя надо беречь, но не

уточнил, в каком виде.

— Наверное, потому что использовал слова длиннее трёх букв. Ты растерялся.

Он открыл мою клетку и схватил за волосы. Боль сорвала кожу с черепа, из глаз брызнули слёзы, а тело предало меня мгновенно: я перестала видеть подвал и снова оказалась на полу среди обрывков белой ткани. Чья-то ладонь держала меня за затылок. Кто-то смеялся. Я кусала собственную губу, чтобы не кричать и не доставить им удовольствия.

«Карина».

Голос мамы возник не в памяти — в крови. Не последняя её фраза, не мольба, не пророчество. Просто моё имя, произнесённое так, как больше никто не умел: с любовью, которая не требовала платы.

Я открыла глаза.

— Сейчас! — прохрипела я.

Амина рухнула под ноги Виктора. Он инстинктивно ослабил хватку и наклонился, Лера ударила дверцей клетки по его колену, а Мира всем телом врезалась в охранника. Автомат загрохотал о стену. Выстрел ударил в потолок, бетонная крошка посыпалась нам на головы, девушки закричали, но не отступили. Я развернулась и вогнала согнутую серьгу Виктору в щёку.

Он взвыл и ударил меня наотмашь. Мир вспыхнул белым. Я упала на колени, ощутила во рту кровь и услышала, как кто-то орёт: «Ключи!» Амина ползла между ногами, протя-

гивая руку к связке на ремне охранника. Тот отбросил Миру и поднял автомат, но Лера повисла у него на руке. Её швырнуло о решётку, хрустнуло плечо, и она закричала так, что у меня похолодели внутренности.

Я бросилась на охранника, вцепилась зубами в его кисть. Он пах табаком и страхом. Мужчина бил меня локтем по спине, каждый удар раскалывал рёбра, но я не отпускала, пока автомат не упал. Мира подхватила его и замерла, не понимая, куда нажать.

— Предохранитель! — крикнула Лера, держась за повреждённую руку. — Слева!

Снаружи раздалась короткая очередь.

Все замолчали.

Это были другие выстрелы — приглушённые, точные, не похожие на панику в нашем подвале. Затем погас свет. Темнота обрушилась мгновенно, чёрная и плотная, как земля на крышку гроба. Кто-то навалился на меня, прижал лицом к полу. Я забилась, царапая бетон, потому что тело не знало разницы между сейчас и тогда. Оно помнило только вес мужчины сверху, невозможность вдохнуть и собственный крик, который никто не остановил.

— Нет! Убери руки! Убери от меня руки!

— Тихо, сука! — прошипел Виктор возле уха.

Холодный металл вдавился мне под подбородок. Пистолет. Он поднял меня, выкручивая руку за спиной. Боль пронзила плечо, но была почти спасительной: вернула коридор,

запах сырости, женские всхлипы и аварийную красную лампу, вспыхнувшую над дверью.

На её мёртвом свете лица стали похожи на окровавленные маски. Охранник лежал у стены, Мира держала автомат, Амина прижимала к груди ключи, Лера пыталась открыть соседнюю клетку одной рукой. Они не убежали. Ни одна. Каждая могла спрятаться, но они освобождали остальных, и от этого зрелища во мне что-то разорвалось окончательно — не боль, а одиночество, которое я годами принимала за силу.

— Брось оружие! — рывкнул Виктор Мире.

Она посмотрела на меня.

— Брось, — сказала я.

— Он тебя убьёт.

— Если не бросишь, убьёт сначала меня, потом вас. А если бросишь, у нас останется шанс придумать ещё одну очень плохую идею.

— Ты ненормальная.

— Мне это уже говорили более квалифицированные люди.

Мира медленно опустила автомат. Виктор потащил меня к двери, прикрываясь моим телом. Я чувствовала, как дрожит ствол у горла. Он боялся. Это открытие опьяняло сильнее надежды. Люди Фарида за коридором кричали, кто-то требовал заводить машину, кто-то сообщал, что северные ворота перекрыты. Потом взревела сирена, сверху посыпа-

лись команды на незнакомом языке.

— Кто там? — спросила я, едва шевеля губами.

— Твой муж, наверное. Или отец. Какая разница? У вашей семьи мужчин больше, чем здравого смысла.

— Завидуешь?

Он сильнее вжал оружие.

— Ты всё ещё не поняла, рыбка. Отсюда ты не выйдешь.

— Нет, это ты не понял. Я уже вышла.

Я ударила затылком ему в лицо. Раздался влажный хруст, хватка ослабла, но недостаточно. Виктор выругался, рванул меня назад и выстрелил. Пуля ударила в стену так близко, что осколок рассёк мне висок. Из коридора ответили двумя выстрелами, однако сразу прекратили: меня увидели.

В красном прямоугольнике двери стоял мужчина. Высокий, широкоплечий, в чёрной одежде, с оружием в опущенной руке. Я не различала черт, только силуэт, и сердце совершило страшный, болезненный рывок. На мгновение мне показалось, что это Саид. Потом — отец. Потом Макс. Все трое жили во мне разными видами любви, каждый по-своему сломал моё представление о защите, и я не знала, кого сильнее хотела увидеть и кому меньше могла простить опоздание.

— Ещё шаг — и я разнесу ей голову! — заорал Виктор.

Мужчина остановился.

За его спиной мелькнули люди. Он сделал едва заметный жест, и коридор стих. Ни приказов, ни героического броска,

ни попытки доказать, что он лучше понимает, как меня спасать. Только тишина, в которой я слышала собственное прерывистое дыхание.

— Карина, — произнёс он.

Я узнала голос, и колени едва не подломились.

Саид.

Он вышел на красный свет без поднятого оружия. На скуле темнела кровь, рубашка была расстёгнута у горла, а глаза казались почти чёрными от расширенных зрачков. Я помнила их другими — холодными, властными, уверенными, что любое моё «нет» всего лишь препятствие. Сейчас в них было столько ужаса, что меня пронзило им насквозь. Не страх потерять собственность. Страх не успеть к человеку, которого он уже однажды не услышал.

— Не подходи, — сказала я.

Раньше эти слова делали его опаснее. Я видела, как напугалось всё его тело, как пальцы до белизны сжали рукоять, как под кожей заходили желваки. Саид хотел рвануть ко мне, убить Виктора голыми руками, закрыть меня собой, а потом назвать это любовью.

Но он остался на месте.

Просто остановился, потому что я попросила.

От этого послушания меня едва не сломало сильнее всего пережитого. В глазах защипало, слёзы смешались с кровью на губах, и я возненавидела его за то, что самый простой человеческий поступок оказался способен причинить такую

боль. Если бы он умел так раньше, сколько моих кошмаров никогда бы не родилось? Сколько раз я не лежала бы рядом с ним, притворяясь мёртвой, пока внутри меня орала девочка в разорванном платье?

— Пистолет на пол, — приказал Виктор. — Медленно.

Саид не посмотрел на него. Только на меня.

— Карина, ты можешь стоять?

— Я стою.

— Я вижу. Спрашиваю, можешь ли ты удержаться, если он тебя отпустит.

Виктор дёрнул меня за волосы.

— Заткнись!

Саид вздрогнул так, словно рука легла не на мои волосы, а ему на обнажённый нерв. Однако голос остался ровным.

— Ответь мне.

Я почувствовала под подошвой связку ключей. Амина, стоявшая возле клетки, незаметно подтолкнула её в коридор. Маленькая, перепуганная, с разбитой губой — и всё-таки готовая снова рискнуть ради меня. Я придавила кольцо каблук.

— Смогу.

— Хорошо.

Одно слово. Не команда — доверие. Саид медленно нагнулся и положил пистолет на пол. Виктор шумно выдохнул у моего уха, торжествуя слишком рано.

— Ногой ко мне.

Саид выпрямился.

— Нет.

— Я убью её!

— Тогда ты умрёшь раньше, чем она упадёт. Но оружие я тебе не отдам.

— Саид, — произнесла я.

Он мгновенно перевёл взгляд на моё лицо.

— Я здесь.

Не «не бойся». Не «я спасу». Не ложь, которой мужчины прикрывают чужое бессилие. Я здесь. И решение оставалось моим.

Я зацепила носком связку и резко ударила ею Виктора по голени, одновременно обмякнув всем телом. Он не ожидал веса, инстинктивно отступил и повёл стволом вниз. Саид не бросился вперёд. Выстрел пришёл сбоку: Мира подняла автомат и попала Виктору в плечо. Его развернуло, пистолет вылетел из руки. Я рухнула на бетон, отползла к стене и увидела, как люди Саида врываются в коридор.

Он мог добить Виктора. Я увидела это в его лице — древнюю, безумную жажду разорвать человека, посмеявшего коснуться меня. Но между нами лежали его слова о любви, мои запреты и всё, что он обязан был доказать не смертью врага.

— Живым, — приказал Саид своим людям, не отводя от меня взгляда. — Он ответит за всех женщин.

Потом сделал шаг и снова остановился в нескольких метрах.

— Можно?

Одно короткое слово ударило в грудь сильнее пули. За моей спиной плакали освобождённые девушки, Мира смеялась и ругалась одновременно, Лера прижимала к себе Амину, а я сидела на грязном полу, окровавленная, избитая, с выдранными волосами и раздавленной внутри девочкой, которая всю жизнь ждала, когда хоть один мужчина спросит разрешения, прежде чем к ней прикоснуться.

Я смотрела на Саида и не знала, хочу ли ударить его, обнять или заставить стоять там до конца времён.

Наверное, со стороны мы выглядели нелепо: мужчина, ради которого десятки вооружённых людей ворвались в старый терминал, ждал одного моего кивка, а я никак не могла его дать. Внутри меня спорили две женщины. Одна всё ещё любила его той безумной, унижительной любовью, которая не умирает даже после предательства, а только меняет зубы на клыки и начинает грызть хозяйку изнутри. Другая помнила каждое отнятое решение, каждую дверь, закрытую по его приказу, каждое прикосновение, которое он называл правом мужа. Я не могла выбрать между ними, потому что обе были мной. И впервые Саид не требовал, чтобы удобная половина победила.

В его глазах не было привычного нетерпения. Только боль, открытая до мяса, почти непристойная для человека, который привык прятать чувства за деньгами, охраной и чужим страхом. Я поняла: он тоже не знал, позволю ли я ему

когда-нибудь приблизиться. Раньше неизвестность разозлила бы его. Сейчас он принимал её, как приговор, который не имел права обжаловать.

За решёткой Амина тихо позвала меня. Я повернула голову. Она показывала на Лерино плечо, уже распухшее под порванной тканью, и тогда ответ стал простым, почти жестоким. Любовь могла подождать. Кровь — нет. Если Саид действительно пришёл не за вещью, которую считал своей, он должен был увидеть не только меня.

— Только ко мне, — прошептала я. — Сначала выведи их.

Он закрыл глаза на одно мгновение, словно я вогнала нож точно под рёбра. Потом повернулся к женщинам.

И подчинился.

Я должна была почувствовать победу. Вместо неё меня затрясло так сильно, что зубы ударились друг о друга. Потому что за грохотом шагов, командами спасателей и плачем освобождённых девушек сверху донёсся новый выстрел, затем ещё один, а в рации человека у двери раздался сорванный голос:

— Первый коридор потерян. Фарид ушёл к резервуарам. У него заложник.

Саид обернулся ко мне.

— Кто? — спросила я, уже зная, что следующая боль не даст мне даже минуты передышки.

Он не успел ответить. Из динамика хрипло, сквозь помехи, прозвучало имя моего отца.

## Глава 8

### САИД

Имя Андрея Воронова, вырванное помехами из рации, ударило меня сильнее, чем мог бы выстрел в упор. Я смотрел на Карину и видел, как из её лица уходит кровь, как губы беззвучно складываются в слово «папа», как только что найденная опора ломается внутри неё с хрустом, которого никто, кроме меня, не слышал. Она не закричала. От этого стало страшнее. Я уже знал, что её молчание не означает покорности. Оно означало боль, слишком огромную, чтобы протиснуться через горло.

— Нет, — произнесла она и попыталась подняться.

Ноги не удержали. Карина опёрлась ладонью о бетон, оставив на нём кровавый след. Всё во мне рванулось к ней, но я заставил себя стоять. Несколько минут назад она сказала не подходить. Моё тело ещё не научилось подчиняться её границам, оно сопротивлялось, как бешеный пёс цепи, однако я впервые понимал: если сейчас схвачу её без разрешения, то спасу от падения и снова отниму право решать.

— Карина, — позвал я хрипло. — Посмотри на меня.

Она подняла голову. На виске алела тонкая полоса, светлые волосы были выдраны у корней, а ярко-синие глаза казались стеклянными от ужаса. Такой я видел её в кошмарах, только там всегда опаздывал и держал уже остывшее тело.

— Ты знал? — спросила она.

— Нет.

— Не смей мне врать сейчас.

— Я не знал, что он у Фарида. Андрей вошёл с западной группой. Он должен был оставаться во втором кольце.

— Он мой отец. Когда это его останавливало?

Последнее слово надломилось. Карина стиснула зубы, будто могла перекусить собственный страх. Я хотел сказать, что верну Андрея. Обещание уже стояло на языке — привычное, громкое, удобное. Но я не имел права давать ей ещё одну красивую ложь.

— Я сделаю всё, что смогу.

Она вздрогнула.

— Ненавижу честные ответы.

— Я тоже. В них нельзя спрятаться.

В коридор вбежал Орс. На его бронежилете темнела пыль, возле уха тянулась царапина.

— Фарид отступил к восточным резервуарам. Там старая топливная линия и технический тоннель к реке. У него Воронов и двое людей. Один ранен. Периметр держим, но к резервуарам не подойти: заминированы опоры.

— Где Максим?

— На северной площадке. Требуется штурмовать.

— Конечно, требует, — выдохнула Карина. — Он любое чувство переводит на язык автоматной очереди.

Я посмотрел на Орс.

— Женщин наверх. Медиков сюда. Виктора не потерять.

— А вы?

— К резервуарам.

Карина снова попыталась встать. Я видел, как дрожат её колени, как она прикусывает разбитую губу, чтобы не застонать.

— Ты останешься с врачом, — сказал я и сразу понял ошибку.

Её глаза ожили — не надеждой, яростью.

— Ещё раз решишь за меня, и я помогу Фариду тебя пристрелить.

Старая часть меня хотела рывкнуть, приказать, отнести её силой. Новая была ещё слишком слабой, почти бесхребетной, но именно она заставила меня спросить:

— Чего ты хочешь?

Карина растерялась. Всего на мгновение, но я увидел. Она настолько привыкла отбиваться от моих решений, что вопрос оказался страшнее приказа.

— Идти к отцу.

— Ты ранена.

— Он тоже.

— Там взрывчатка и люди Фариды.

— Спасибо за экскурсию. Я передумала и закажу кофе.

Сарказм дрогнул на последнем слове. Она едва держалась, но взгляд не отвела.

— Хорошо, — сказал я. — Пойдёшь за второй группой, в бронжилете. Если начнётся стрельба, ляжешь и не подни-

мешься без команды.

— Ты опять приказываешь.

— Нет. Предлагаю условия, при которых не запру тебя здесь. Торговаться будем быстро.

— Ненавижу тебя.

— Знаю.

— Нет. Ты понятия не имеешь, как сильно.

Я выдержал её взгляд, хотя внутри меня медленно проворачивали нож.

— Тогда останься живой, чтобы однажды объяснить.

Орс снял запасной бронежилет. Я протянул его Карине, но не надел сам. Она забрала защиту из моих рук, стараясь не коснуться пальцев. Эта крошечная дистанция причиняла почти физическую боль. Я заслужил каждый сантиметр.

Мы поднялись из подвала. Освобождённых женщин выводили через погрузочный зал. Некоторые плакали, другие шли с пустыми лицами, в которых жизнь ещё не успела вернуться. Карина остановилась возле Леры, дождалась, пока медик зафиксирует ей плечо, что-то тихо сказала Амине. Даже раздавленная собственным ужасом, она видела их. А я годами не видел никого, если чужая боль мешала мне получить желаемое.

Мира перехватила меня у выхода.

— Если её снова заберут, — сказала она, указывая подбородком на Карину, — я найду тебя.

Ещё недавно я рассмеялся бы женщине в лицо. Сейчас

кивнул.

— Встану и подожду.

— Саид, — резко позвала Карина. — Хватит договариваться о моей посмертной мести.

Я почти улыбнулся. Она была жива. Злая, невыносимая, раненная — живая. Это слово билось в груди вместо сердца.

Снаружи ночь горела аварийными прожекторами. Между ржавыми ангарами полз дым, сирена захлёбывалась, вдалеке возвышались цилиндры старых резервуаров, чёрные на фоне серого неба. Воздух пах топливом, металлом и рекой. Я узнал этот запах. Так пахли склады Ахмеда, куда я приезжал будто бы не зная, чем занимается брат. Так пахла моя трусость, много лет называвшая себя семейной верностью.

Максим встретил нас за бетонным блоком. На его скуле была сажа, синие глаза полыхали так ярко, что казались ненормальными.

— Какого чёрта она здесь? — спросил он.

— Я и сама умею разговаривать, — отрезала Карина. — Хотя рядом с вами обоими это навык бесполезный.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.